

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Репутация
плохой
девушки

18+

Хиты Эль Кеннеди

Эль Кеннеди

Репутация плохой девочки

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7 Сое)-44

Кеннеди Э.

Репутация плохой девочки / Э. Кеннеди — «Издательство АСТ»,
2022 — (Хиты Эль Кеннеди)

ISBN 978-5-17-154845-2

Вернувшись в родной город на похороны матери. Женестьева Уэст, девушка с репутацией тусовщицы и оторвы, старается держаться подальше от Эвана Хартли. Их отношения были полны потрясений, взлетов и падений. И страсти... о которой она отчаянно пытается забыть. Но в маленьком прибрежном городе избегать друг друга невозможно. Эван все такой же неотразимый, как и всегда. Однако на этот раз Джен решила пойти по новому пути. Больше никаких безумных вечеринок, никаких глупых ошибок. Она задержится в Авалон-Бэй, чтобы помочь отцу с работой, а затем найдет замену себе и снова сбежит отсюда. У Эвана другие планы. Он знает: вместе они могут все. Осталось только убедить в этом Джен. Им обоим нужно начать все с чистого листа, но можно ли избавиться от плохой репутации? Есть ли у них второй шанс?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-154845-2

© Кеннеди Э., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	29
Глава седьмая	36
Глава восьмая	39
Глава девятая	44
Глава десятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эль Кеннеди

Репутация плохой девочки

Elle Kennedy
Bad Girl Reputation

© 2022. BAD GIRL REPUTATION by Elle Kennedy
© Серегина Юлия, перевод на русский язык
© Железнова Варвара, иллюстрация
© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Глава первая

Женевьева

Все мои родственники, даже самые дальние, собрались в одной комнате. Одеты в черное, сбившиеся в кучки люди толпятся рядом возле сырных тарелок и блюд с закусками. На стенах мои детские фотографии. Время от времени кто-то стучит вилкой о бутылку Guinness или стакан Jameson, ознаменовывая тост, дабы рассказать очередную неуместную байку о том, как однажды мама каталась топлес на гидроцикле прямо на праздновании Дня независимости. И пока отец, явно сконфуженный, стоит и смотрит в окно, я сижу со своими братьями, приговарываясь, будто все мы знакомы с этими историями о нашей матери – любительнице веселья, живущей по принципу «хватай жизнь за яйца», Лори Кристин Уэст... Когда на деле мы вообще ее не знали.

– Короче, мы путешествовали во Флориду в старом грузовичке мороженщика и курили, – начинает Кэри, один из маминых кузенов, – и где-то южнее Саванны слышим шум, типа шороха, доносящийся откуда-то сзади...

Вцепляюсь в бутылку воды, ужасаясь тому, что делала бы, останься я с пустыми руками. Не вовремя я решила завязать, это уж точно. Все, на кого я натыкаюсь, пытаются всучить мне какой-нибудь напиток, поскольку не знают, что можно сказать бедняжке, потерявшей мать.

Мысль о том, чтобы ускользнуть в спальню с бутылочкой чего-нибудь горячительного и провести так остаток дня, несомненно, закрадывалась мне в голову. Только вот я по-прежнему жалела о последнем разе, когда сорвалась.

Однако подобная перспектива однозначно сделала бы все эти мучения более терпимыми.

Двоюродная бабушка Милли кружит по дому, словно золотая рыбка в аквариуме, и каждый раз останавливается возле дивана, чтобы потрепать меня по руке и слабо сжать запястье, а после упомянуть, как же я похожа на свою мать.

Супер.

– Кто-нибудь должен ее остановить, – шепчет мой младший брат Билли. – Она же в обморок шлепнется. Смотри, какие тощие у нее лодыжки.

Бабуля Милли приятная и все такое, но уже начинает пугать. Если она назовет меня именем матери, я могу и взорваться.

– Тут я говорю Луису выключить радио, – продолжает кузен Кэри, воодушевившись этой историей, – ведь я пытаюсь выяснить, откуда идет шум. Подумал, что мы тащим что-то за собой.

Мама болела месяцами, прежде чем ей поставили диагноз – рак поджелудочной железы. Судя по словам папы, она мирилась с постоянными болями в спине и животе, которые списывала на признаки старости, а месяц спустя уже ее не стало. Но для меня все это началось только неделю назад. Сначала был звонок от моего брата Джея, который убеждал меня срочно приезжать домой, за ним последовал звонок от отца, тогда он и сказал, что мама долго не протянет.

Они держали это в тайне от меня. Ведь мама не хотела, чтобы я знала.

Но разве это нормально?

– Я имею в виду, этот стук длился несколько миль. И мы такие, уже приличные, понимаете? Наткнулись на какого-то старого хиппи-фрика в Миртл-Бич, а он посадил нас...

Кто-то кашляет, бормоча себе под нос.

– Давай не будем утомлять всех подробностями, – говорит кузен Эдди. Остальные кузены обмениваются знающими взглядами и понимающими ухмылками.

– В общем, – снова начинает Кэри, затыкая его, – слышим мы этот стук или что там такое. Тони за рулем, а ваша мама... – он салютует стаканом в сторону нас, ее детей, – стоит, значит, перед морозильником с этой хреновиной над головой, словно собирается забить енота намертво или что-то в этом роде.

Мой разум сейчас далек от этой нелепой истории, потому что мысленно я то и дело возвращаюсь к матери. Она неделями лежала в постели, готовилась к смерти. Последним желанием этой женщины стало то, чтобы единственная дочь узнала о ее болезни в самый последний момент. Даже моим братьям запрещалось находиться у ее постели, пока она медленно и мучительно приближалась к своей кончине. Мама предпочитала страдать молча, как всегда, держа собственных детей на расстоянии. На первый взгляд может показаться, будто она сделала это ради нас, но, подозреваю, это было ради нее самой: ей хотелось избежать всех тех эмоциональных, очень личных моментов, которые, без сомнения, вызвала бы ее неминуемая смерть. Так же она избегала подобного в жизни.

В итоге она почувствовала облегчение от того, что ей не пришлось играть для нас роль любящей матери.

– Никто не собирается открывать этот чертов морозильник, кто-то кричит Тони, чтоб тормозил, а он психует, потому что видит копов за пару машин от нас. И, о да, тут до нас доходит, что мы везем контрабанду через границу штата, так что...

Я могу простить ее. Она была собой, когда испустила последний вздох. Никогда не притворялась кем-то еще. Еще в детстве мы уяснили, что мама не очень-то нами интересуется, она ясно дала это понять, поэтому мы ни на что особо и не надеялись. А вот отец с братьями... могли бы рассказать мне о ее болезни. Как такое можно скрывать от дочери? От сестры? Пусть я и жила за сотни миль от них, они обязаны были открыть правду, черт подери. А вдруг я захотела бы ей что-то сказать, если бы мне дали больше времени подумать об этом?

– В конце концов Лори велит мне открыть дверцу, после чего мы, мол, распахнем боковую дверь, Тони сбросит скорость, а потом мы выбросим, что бы там ни пряталось, на обочину...

Раздаются смешки.

– Итак, мы считаем до трех, я закрываю глаза, распахиваю дверцу, ожидая, что сейчас-то это чучело вцепится мне в рожу. А вместо этого мы видим внутри какого-то дрыхнувшего чувака. Неизвестно, когда он к нам забрел. Может, тащился с самого Миртл-Бич. Просто свернулся калачиком и задремал.

Не так я представляла возвращение в Авалон-Бэй. В доме, где я выросла, полно скорбящих. Цветочные композиции и открытки с соболезнованиями на каждом столе. Мы покинули похороны несколько часов назад, но, думаю, такие события не проходят бесследно. Это затягивается на дни. Порой даже на недели. Никогда не знаешь, когда будет уместно сказать: *«Ладно, хватит, возвращайтесь к привычным делам, а я вернусь к своим»*. Куда вообще выбрасывать трехфутовое сердце из цветов?

Когда история Кэри подходит к концу, отец постукивает меня по плечу и кивает в сторону коридора с просьбой следовать за ним. Он в костюме, наверное, всего третий раз в жизни, и я никак не могу к этому привыкнуть. Вот еще одна вещь, которая выбивается из общей картины. Приехать домой, в место, которое узнаешь лишь отчасти, это словно оказаться в альтернативной вселенной, где вроде бы все знакомо, а вроде и нет. Просто немного необычно. Наверное, я тоже изменилась.

– Давай поболтаем с тобой минутку, – произносит он, когда мы ускользаем с мрачных поминок. Отец никак не может оторвать руки от галстука, теребит воротник рубашки: то ослабляет узел, то снова завязывает, точно чувствуя себя виноватым за небрежный вид. – Послушай, я понимаю, время совсем не подходящее, но я все же спрошу.

– Что такое?

– Хотел поинтересоваться, не планируешь ли ты задержаться здесь ненадолго?

Проклятье.

– Не знаю, пап. Я как-то пока не думала об этом.

Не ожидала, что меня так быстро загонят в угол. Рассчитывала, что за пару дней я посмотрю, как тут все пойдет, и тогда уже решу. Я уехала из Авалон-Бэй год назад и предпочла бы не возвращаться, если бы не обстоятельства. У меня своя жизнь в Чарльстоне. Работа, квартира. Коробки с заказами из Amazon скапливаются у двери.

– Мне тут пришло в голову, что ты бы могла помочь мне с бизнесом. Твоя мама занималась всеми офисными делами, и все пошло наперекосяк с тех пор как... – Он замолкает. Никто из нас не знает, как говорить об этом. О ней. Это кажется неправильным, с какой стороны ни взглянуть. Поэтому мы молчим и киваем друг другу, как бы обмениваясь одной и той же мыслью: *«Да, и я не знаю, но понимаю тебя»*. – Мне подумалось, если ты не очень спешишь, то сможешь заскочить и навести тут порядок.

Я представляла, что папа будет горевать, страдать, ему понадобится время собраться с мыслями, прийти в себя. Может, даже уехать куда-то порыбачить. Но это... он слишком много просит.

– Что насчет Келлана или Шейна? Любой из них знает куда больше об управлении бизнесом, чем я. Не уверена, что они спят и видят, как я прихожу в офис и хозяйничаю без спросу.

Двое моих старших братьев уже несколько лет работают на отца. В дополнение к небольшому строительному магазину он владеет еще бизнесом по камнеобработке, обслуживающим ландшафтных дизайнеров и людей, которые хотят сделать реконструкцию дома. Со времен моего детства мама занималась внутренней кухней предприятия: заказами, счетами, платежными ведомостями, – а папа в это время делал так называемую грязную работу.

– Келлан – лучший мастер, что у меня есть, и со всеми этими перестройками после ураганов, которыми мы занимаемся на Южном побережье, я не могу позволить себе забрать его с рабочих площадок. А Шейн провел последний год, разъезжая с просроченными правами, потому что этот мальчишка никогда не открывает свою чертову почту. Да я разорюсь через месяц, если подпущу его к документам.

Отец не ошибается. То есть я, конечно, люблю братьев, но как-то раз родители заставили Шейна понянчить нас, и он разрешил Джею с Билли забраться на крышу с коробкой вишневых бомбочек. Пожарные появились после того, как мальчишки стали бросаться бомбами из рогатки в соседских подростков, которые плавали в бассейне. Расти с двумя младшими братьями и тремя старшими было увлекательно.

И все же я не собираюсь становиться постоянной заменой мамы.

Я прикусываю губу.

– На сколько хочешь, чтобы я осталась?

– Может, на месяц или два?

Черт.

Обдумываю это с минуту, а затем вздыхаю.

– При одном условии, – говорю я ему. – Ты должен будешь начать поиск нового офисного менеджера в течение следующих пары недель. Я пробуду до тех пор, пока ты не найдешь подходящего человека, так что это временная договоренность. Идет?

Папа приобнимает меня и целует в висок.

– Спасибо, малышка. Ты правда меня выручаешь.

Отказать ему выше моих сил, пусть я и знаю, что в итоге останусь в дураках. Ронан Уэст может показаться той еще занозой в заднице, но он всегда был хорошим отцом: позволял иногда делать собственные ошибки, попадать в неприятности, однако всегда выручал. Даже когда папа злился на нас, мы знали, что ему не плевать.

– Притащи-ка своих братьев. Нам нужно кое-что обсудить.

Похлопав по моей спине, отец отсылает меня, и я отправляюсь на поиски братьев с ощущением надвигающейся беды. Прошлый опыт научил меня тому, что семейные встречи никогда ничем хорошим не кончаются. Они, как правило, означают лишь больше потрясений. Что совершенно ужасно, ведь неужели мало было попросить меня бросить свою жизнь и вернуться сюда? Я тут пытаюсь решить, не стоит ли расторгнуть договор аренды на мою квартиру или написать письмо арендатору, уволиться с работы или жалобно молить об отпуске, а мой отец придумывает еще дела?

– Эй, дурила! – Джей, сидящий на подлокотнике дивана в гостиной, пинает меня по голени, когда я подхожу. – Принеси мне еще пивка.

– Сам сходи, задница.

Он уже снял пиджак и галстук, белая рубашка расстегнута на несколько пуговиц, а рукава закатаны. Остальные ненамного лучше: все в той или иной степени потихоньку избавляются от костюмов с тех пор, как мы вернулись с кладбища.

– Вы видели мисс Грейс? Из средней школы? – Билли, который еще недостаточно взрослый, чтобы пить, пытается предложить мне фляжку, но я отмахиваюсь. Вместо этого ее хватает Джей. – Она появилась минуту назад с Кори Дусеттом, который нес в руках ее дурацкую карманную собачонку.

– Усатик Дусетт? – улыбаюсь я, вспоминая, как в старшей школе Кори отрастил эти жутковатые усики серийного убийцы и отказывался сбривать мерзкую полосочку, пока его под угрозой отстранения не попросили это сделать. Он пугал даже учителей. – Мисс Грейс, должно быть, уже лет семьдесят?

– Думаю, ей было семьдесят, когда я учился у нее в восьмом классе, – сообщает Шейн, и его передергивает.

– Так они, типа, трахаются? – Лицо Крейга искажается от ужаса. Его класс был для нее последним перед пенсией. Мой самый младший брат только выпустился из школы. – Какой-то треш.

– Ладно, пойдете, – зову я их, – папа в кабинете, хочет с нами поговорить.

Как только мы собираемся, отец снова начинает теребить галстук и воротник рубашки, пока Джей не передает ему фляжку и тот с облегчением не делает глоток.

– Пожалуй, просто скажу так. Я выставляю дом на продажу.

– Какого черта? – Келлан, старший, высказывается за всех нас, прерывая речь отца. – Это еще с чего?

– Теперь тут только я и Крейг, – объясняет папа, – и через пару месяцев, когда он уедет в колледж, не останется ровно никакого смысла содержать этот большой пустой дом. Пора начать экономить.

– Пап, да ладно тебе, – вмешивается Билли. – А где же Шейн будет спать, когда снова запомнит, где живет?

– Это было один раз, – рычит Шейн, шлепая его по руке.

– Ага, как же, один раз, – толкает его Билли в ответ. – А как насчет того случая, когда тебе пришлось спать на пляже, ведь ты забыл, что припарковал машину всего в пятидесяти ярдах?

– Может, вы все уже замолчите? Ведете себя как кучка безмозглых идиотов. В гостиной сидят люди, которые все еще оплакивают вашу мать!

Это быстро всех затыкает. На минуту или около того мы забыли. Так и происходит. Мы забываем, а затем в нас словно на всей скорости врежется грузовик, и мы снова попадаем в реальность, эту странную реальность, к которой пока не привыкли.

– Как я и говорил, дом слишком большой для одного человека. Я принял решение. – Тон отца тверд. – Но прежде чем я выставлю дом на продажу, нам нужно его немного подлатать. Навести лоску, так сказать.

Кажется, все меняется слишком быстро, а я не успеваю за ходом событий. У меня едва хватило времени осмыслить мамину болезнь, как ее уже погрузили на шесть футов под землю, а теперь мне пришлось перевезти все вещи обратно домой и тут же узнать, что никакого дома больше не существует. У меня будто выбили почву из-под ног, но я по-прежнему не двигаюсь и наблюдаю, как рушится мир вокруг.

– Пока Крейг не отправится осенью в колледж, нет смысла вычищать тут все, – успокаивает отец, – так что пока подождем. Но сути это не меняет. Я посчитал, что лучше вам узнать обо всем раньше, чем позже.

И с этими словами он покидает кабинет. Дело сделано. Папа просто оставляет нас, шокированных и потрясенных, стоять тут и раздумывать над его объявлением.

– Вот дерьмо, – произносит Шейн, словно только вспомнил, что забыл ключи на пляже во время прилива. – Вы хоть в курсе, сколько порнухи и дерьма спрятано в этом доме?

– Ага. – Билли, сделав серьезное лицо, хлопает в ладони. – Поэтому, едва папа уснет, начинаем выдирать половицы.

Пока парни спорят о том, кто получит деньги за потерянную контрабанду, которую они постараются найти, я по-прежнему пытаюсь отдышаться. Наверное, я всегда болезненно реагировала на перемены. Я до сих пор разбираюсь с изменениями в своей собственной жизни после отъезда из города.

Проглотив вздох, оставляю братьев и выхожу в холл, где мой взгляд останавливается на, пожалуй, единственном, что в этом месте не поменялось ни на йоту.

На моем бывшем парне Эване Хартли.

Глава вторая

Женевьева

А этому парню наглости не занимать. Как он умудряется так выглядеть? Темные глаза настоящего хищника по-прежнему таятся в самых глубоких уголках моей памяти. Его каштановые, почти черные, волосы я до сих пор чувствую между пальцами. Как и в моих воспоминаниях, он потрясаяще красив. Прошел год с тех пор, как я видела Эвана, но реагирую на него точно так же. Он входит в комнату, и мое тело замечает его раньше меня самой. Мурашки пробегают по коже.

Это неприятно. А то, что мое тело отзывается на него *сейчас*, еще больше настораживает.

Эван стоит со своим братом Купером, оглядывая комнату, пока не замечает меня. Парни выглядят почти одинаково, за исключением причесок, однако все различают их по татуировкам. У Купера набиты два полноценных рукава, в то время как большая часть татуировок Эвана – на спине. Ну а я узнаю его по глазам. Неважно, сверкают ли они озорством, или желанием, а может, разочарованием... я всегда знаю, когда Эван смотрит на меня.

Наши взгляды встречаются. Он кивает. Я киваю в ответ, и мой пульс взлетает до небес. Буквально через три секунды мы с Эваном уже в коридоре, где нет свидетелей.

Довольно странно, как хорошо мы знаем некоторых людей, даже несмотря на долгую разлуку. Воспоминания пронизывают меня, подобно приятному ветерку. Ходить по этому дому вместе с ним – будто вернуться в старшую школу. Прокрадываться и убегать из дома в любое время. Держаться за стены, лишь бы стоять прямо. Истериически смеяться, но так, чтобы не разбудить весь дом.

– Привет, – говорит он, неловко раскрывая для меня свои объятия, которые я принимаю, ведь не принять оказалось бы еще более неловко.

Эван всегда умел хорошо обниматься.

Я заставляю себя не задерживаться, не вдыхать его запах. Тело Эвана теплое и мускулистое, такое же знакомое, как и мое собственное. Я знаю каждый дюйм этого восхитительного парня.

Я поспешно делаю шаг назад.

– Что ж, я услышал новости, это очевидно. И хотел выразить соболезнования.

Эван почти застенчив. Руки в карманах. Голова наклонена, он смотрит из-под густых ресниц. Не могу представить, сколько уговоров потребовалось, чтобы заставить его прийти сюда.

– Спасибо.

– И да, – он достает из кармана синий леденец, – я принес тебе это.

Я не плакала с тех пор, как узнала, что моя мать больна. И вот, принимая дурацкий леденец из его рук, чувствую, как перехватывает горло и слезятся глаза.

Внезапно я переношусь в то время, когда мы впервые обменялись леденцами. Очередные похороны. Еще один мертвый родитель. Это случилось после того, как отец Эвана, Уолт, погиб в автокатастрофе. Вождение в нетрезвом виде, потому что таким безрассудным, склонным к саморазрушению человеком был Уолт Хартли. К счастью, больше никто не пострадал, но жизнь Уолта оборвалась на темной дороге той ночью, когда он потерял управление и врезался в дерево.

В то время я, двенадцатилетняя, понятия не имела, что взять с собой на поминки. Мои родители принесли цветы, но Эван был таким же ребенком, как и я. Что ему было делать с

цветами? Все, что я знала тогда: мой лучший друг, мальчик, в которого я всегда была влюблена, сильно расстроен, и все, что у меня залежалось в кармане, так это один жалкий доллар. Самой необычной вещью, которую я могла себе позволить в магазине, оказался леденец на палочке.

Эван плакал, пока я тихо сидела рядом с ним на задней террасе его дома. Трясущейся рукой он сжимал леденец, а затем прошептал: «Спасибо, Джен». Мы просидели в тишине больше часа, глядя на волны, плещущиеся о берег.

– Заткнись, – бормочу я себе под нос, сжимая леденец в ладони. – Ты такой идиот.

Несмотря на мои слова, мы оба знаем, что я глубоко тронута.

Эван многозначительно улыбается и проводит рукой по галстуку, поправляя его. Он выглядит мило, но в пределах разумного. Есть что-то такое в том, как костюм сидит на нем. Что-то опасное.

– Тебе повезло, что я нашла тебя первой, – говорю ему, как только снова могу произносить слова. – Не уверена, что мои братья будут такими же дружелюбными.

Он пожимает плечами с равнодушной ухмылкой.

– Келлан бьет хуже девчонки.

Ну как всегда.

– Обязательно передам ему, что ты так сказал.

Очередные мои кузены мельком замечают нас из-за угла и, подозреваю, ищут повод поговорить со мной, поэтому я хватаю Эвана за лацкан и толкаю его в прачечную. Прижимаюсь к дверному косяку, а потом проверяю, нет ли кого поблизости.

– Не вынесу еще одного разговора о том, как же я напоминаю им маму, – стону я. – Черт, парни, в последний раз, когда вы меня видели, я ела только детские пюре.

Эван снова поправляет галстук.

– Они думают, что так помогают.

– Ну, это не так.

Каждый желает упомянуть при мне, какой же великолепной женщиной была моя мать и как важна была для нее семья. Это почти жутко – слышать, как люди говорят о женщине, которая совсем не похожа на ту, что я знала.

– Как ты держишься? – хриплым голосом спрашивает Эван. – На самом деле.

В ответ я лишь пожимаю плечами. Вот в чем вопрос. За последние пару дней его мне задавали уже дюжину раз всеми возможными способами, и у меня до сих пор нет нормального ответа. Ну или, по крайней мере, ответа, который хотели бы услышать люди.

– Сомневаюсь, что вообще что-то чувствую. Не знаю. Может, я до сих пор в шоке или что-то в этом роде. Всегда ожидается, что эти вещи произойдут за доли секунды или в течение долгих месяцев. Но это... как будто меня заранее не подготовили. Я приехала домой, а через неделю она умерла.

– Да, – произносит Эван. – Едва успеешь понять, что к чему, а все уже закончилось.

– Я вот уже несколько дней не знаю, что ощущаю. – Я кусаю губу. – Начинаю думать, может, со мной что-то не так?

Он смотрит на меня недоверчивым хмурым взглядом.

– Это смерть, Фред. С тобой все в порядке.

Я фыркаю, смеясь над прозвищем, которое он мне дал. Я так давно его не слышала, что почти забыла, как оно звучит. Было время, когда я отзывалась на него больше, чем на собственное имя.

– Ну а если серьезно... Я все жду, когда на меня нахлынет горе, но оно все не приходит.

– Довольно трудно отыскать в себе эмоции для человека, которого не было рядом. Даже если это твоя мама. – Эван делает паузу. – Наверное, *особенно* когда это твоя мама.

– Согласна.

Эван понимает. Он всегда понимал. Одна из наших общих черт – это странные отношения с матерями. В этом смысле слова излишни. В то время как его мама была самым главным непостоянством в его жизни: отсутствовала, за исключением нескольких раз в году, когда прилетала в город отоспаться после запоя или попросить денег, – моя отсутствовала духом, а не телом. Моя мать была такой холодной и отстраненной, даже в самом раннем детстве, что, казалось, ее вообще не существует. Я выросла, завидуя цветочным клумбам, за которыми она ухаживала во дворе.

– Я почти испытываю облегчение, что ее больше нет. – В горле поднимается комок. – Нет, даже не почти. Ужасно так говорить, знаю. Но... теперь я как будто могу прекратить попытки, понимаешь? Сначала пытаться, а потом чувствовать себя как дерьмо, когда ничего не меняется.

Всю свою жизнь я прилагала усилия, чтобы сблизиться с ней. Чтобы понять, почему мама вроде бы не слишком меня любит. Однако я так и не получила ответа. Скорее всего, теперь я могу перестать задаваться этим вопросом.

– Это не ужасно, – возражает Эван. – Некоторые люди бывают дерьмовыми родителями. Не наша вина, что они не умеют нас любить.

Кроме Крейга... Мама знала, как его любить. После пяти неудачных попыток она наконец поняла, как все делать правильно. Он стал для нее идеальным сыном, с которым она испытала всю радость материнства. С тем же успехом нас могли вырастить два разных человека. Он единственный из нас, кто ходит здесь с красными опухшими глазами.

– Могу я кое-что тебе сказать? – спрашивает Эван с улыбкой, которая настораживает меня. – Но пообещай, что не побьешь меня.

– Нет уж.

Он посмеивается, облизывая губы. Невольная привычка, которая всегда сводила меня с ума, ведь я знаю, на что способен этот рот.

– Я скучал по тебе, – признается он. – Я мерзавец, если вроде как рад чьей-то смерти, потому что появился повод тебя увидеть?

Я бью его по плечу, и Эван делает вид, что ему очень больно. Но он, конечно, притворяется. Однако странным образом я ценю его смешную выходку хотя бы потому, что она на секунду или две вызывает у меня улыбку. И позволяет вдохнуть полной грудью.

Я подергиваю тонкий серебряный браслет на запястье, не встречаясь с ним взглядом.

– Я тоже по тебе скучала. Немного.

– Немного? – дразнит он.

– Совсем немного.

– Хм. Так, значит, ты думала обо мне... Сколько? Раз? Два?

– Раз или два.

Эван издаст смешок.

По правде говоря, уехав из Авалон-Бэй, я провела месяцы, изо всех сил пытаюсь отогнать мысли о нем. Но они все отказывались уходить. Я отрекалась от образов, которые появлялись, когда я закрывала глаза перед сном или шла на свидание. В итоге стало легче. Я почти успела его забыть.

Почти.

И вот он снова здесь, и будто не прошло ни секунды. Между нами все еще летают искры. Он наклоняется ко мне, моя ладонь задерживается на его руке дольше, чем необходимо. Искры. Как больно не прикасаться к нему.

– Не делай этого, – приказываю я, когда замечаю выражение его лица. Я в ловушке его взгляда. Попалась, подобно рубашке, зацепившейся за дверную ручку.

От воспоминаний замирает сердце.

– Не делать чего?

– Ты знаешь.

Уголок губ Эвана приподнимается. Всего на мгновение. Ведь он прекрасно понимает, как смотрит на меня.

– Отлично выглядишь, Джен. – И вот снова. Вызов во взгляде, невысказанные слова... – Отъезд пошел тебе на пользу.

Вот засранец. Так нечестно. Ненавижу его – пусть мои пальцы и соприкасаются с его грудью, скользя вниз по рубашке.

Нет, что я ненавижу, так это то, как легко он может заполучить меня.

– Нам не стоит этого делать, – бормочу я.

Мы стоим в тени, но если кто-то захочет посмотреть в эту сторону, то увидит нас. Рука Эвана дотрагивается до края моего платья. Он пробирается под ткань и мягко проводит кончиками пальцев по изгибу моей задницы.

– Нет, – дышит он мне в ухо. – Не стоит.

Так что, разумеется, мы это делаем.

Мы проскальзываем в ванную рядом с прачечной и запираем за собой дверь. Все внутри вспыхивает, когда он сажает меня на туалетный столик.

– Это ужасная идея, – предупреждаю я, в то время как Эван сжимает мою талию и я прислоняюсь к раковине.

– Знаю.

А затем он накрывает мой рот своим.

Поцелуй настойчивый, голодный. Господи, как я скучала по этому. Скучала по его поцелуям и жадным толчкам языка, по его дикости и необузданности. Наши рты пожирают друг друга на грани грубости, и все же я не могу насытиться им.

Предвкушение и безумная потребность слишком велики. Я вожусь с пуговицами на его рубашке, раскрывая ее и впиваясь ногтями ему в грудь до тех пор, пока он не начинает испытывать боль и не убирает мои руки мне за спину. Это так горячо, так развратно. Яростно. Все наши нерешенные дела отходят на второй план. Я закрываю глаза и наслаждаюсь действием, теряясь в поцелуе, в его вкусе. Эван целует меня жестче, глубже, и вот я уже схожу с ума от всепоглощающего желания.

Нет, так не может продолжаться.

Я высвобождаю руки, чтобы заняться его ремнем. Эван наблюдает за мной. Смотрит мне в глаза. На губы.

– Я скучал, – шепчет он.

Взаимно. Но произнести это вслух не могу.

Его рука скользит между моими бедрами, и я задыхаюсь, своей дрожащей рукой пытаюсь забраться к нему в боксеры...

– Там все в порядке? – вдруг раздается голос. Потом стук. Вся моя большая семья по ту сторону двери.

Я замираю.

– Все отлично, – отвечает Эван, а кончики его пальцев находятся в опасной близости от места, в котором я бы хотела, чтобы он оказался еще секунду назад.

Теперь же я слезаю со столика, отпихиваю его руку и вытаскиваю свою из его трусов. Еще до того, как мои ноги опускаются на кафельный пол, я уже ненавижу себя. Мы пробыли в одной комнате едва ли не десять минут, а я уже потеряла контроль.

Я чуть не занялась сексом с Эваном Хартли на поминках своей матери, черт подери. Если бы нас не прервали, то я бы непременно позволила ему сделать со мной все что угодно прямо здесь и сейчас. Это новый уровень падения, даже для меня.

Проклятье.

Весь прошлый год я провела, воспитывая в себе силу воли и превращаясь в нормального взрослого человека. Училась не уступать каждой пагубной страсти, приходившей мне в голову,

проявляла чертову сдержанность. И вот Эван Хартли облизывает губы, а я уже готова поддаться искушению.

Серьезно, Джен?

Пока я привожу в порядок волосы, наблюдаю за ним в зеркало. У него явно есть ко мне вопросы. Наконец Эван озвучивает один:

– Ты в порядке?

– Не могу поверить, что мы почти сделали это, – сокрушаюсь я, чувствуя, как к горлу подступает стыд. Затем обретаю самообладание, снова выстраиваю свои стены и поднимаю голову. – Хочу прояснить: такое больше не повторится.

– И какого черта это значит? – Его оскорбленный взгляд встречается с моим в отражении.

– Это значит, что я пробуду в городе совсем недолго ради моего отца, но, пока я здесь, мы не будем видеться.

– Шутишь? – Он мрачнеет, замечая решительное выражение моего лица. – Какого дьявола, Джен? Сначала ты суешь язык мне в рот, а потом говоришь отвалить? Это какое-то дерьмо.

Повернувшись к нему лицом, я пожимаю плечами с притворным безразличием. Эван стремится вывести меня на эмоции, поскольку знает: чем больше я откликаюсь, тем выше его шансы. Но впредь я не стану реагировать на подобное, не сегодня. Это было неверное решение. Временное безумие. Сейчас мне лучше. Все пришло в норму. Я прогнала всю эту чушь из своей головы.

– Ты же знаешь, мы не можем держаться друг от друга подальше, – негодует он. – Мы много раз пытались. Но у нас ничего не получалось.

Он прав. В старшей школе мы постоянно то сходились, то расходились, пока я наконец не покинула город. Это были вечные качели – от любви к ссорам. Порой я была мотыльком, в другой раз – пламенем.

В итоге я кое-что поняла: единственный способ выиграть – это не играть вообще.

Открыв защелку на двери, я останавливаюсь на секунду. Смотрю через плечо и говорю:

– Все когда-то бывает в первый раз.

Глава третья

Эван

Вот что я получил за то, что был хорошим парнем. Ей хотелось на минутку забыться, словно все в порядке. Я никогда и ни за что в жизни не стал бы жаловаться на поцелуи с Жене-вьевой. Но она хотя бы могла не быть стервой. *Давай встретимся попозже, выпьем, обсудим наши дела.* Отшивать меня вот так бессердечно даже для нее.

Джен всегда была жесткой. Черт, да это одна из вещей, которая меня в ней привлекала. Однако она никогда не глядела на меня с таким мертвым равнодушием. Словно я для нее никто.

Жестоко.

Когда мы покидаем дом Уэстов и направляемся к грузовику Купера, он одаривает меня подозрительным взглядом. Кроме внешности, нас в целом больше ничего не объединяет. Если бы не родственные связи, мы, наверное, даже друзьями бы не стали. Но мы братья – хуже того, близнецы, – и мы практически способны читать мысли друг друга.

– Да ты издеваешься, – вздыхает он, осуждающе на меня смотря. В последние несколько месяцев он достает меня по каждому поводу.

– Отвали.

Серьезно, сейчас я не в настроении слушать это.

Он объезжает тротуар. Вдоль дома выстроилась целая вереница других машин тех, кто приехал на поминки.

– Невероятно. Ты замутил с ней. – Он косится на меня, а я его игнорирую. – Господи боже. Вас же не было десять минут. Ты что, типа, такой: «Соболезную твоей утрате, вот, держи мой член?»

– Иди ты, Куп.

Когда он говорит это таким тоном, звучит и правда немного гадко.

Немного?

Ладно. Хорошо. Может, почти заняться сексом на поминках ее матери не было такой уж блестящей идеей, но... я скучал по ней, черт возьми. Снова увидеть Джен спустя год разлуки ощущалось как удар под дых. Желание поцеловать ее, дотронуться до нее граничило с отчаянием.

Наверное, это делает меня жалким ублюдком, но что есть, то есть.

– Похоже, ты уже сходил за нас обоих.

Я стискиваю зубы и отворачиваюсь к окну. Когда наш отец погиб, а мать, по сути, бросила нас, Купер каким-то образом вбил себе в голову, будто я желаю, чтобы он заменил их обоих. Стал постоянно ворчащим, сварливым придурком, который вечно во мне разочарован. На какое-то время все уладилось, когда Куп остепенился благодаря своей девушке Маккензи, умудрившейся вытащить кол у него из задницы. Однако теперь кажется, словно его первые настоящие отношения заставили его думать, что он имеет право осуждать мою жизнь.

– Ничего такого не произошло, – отвечаю я, потому что чувствую, как он злится на меня. – Некоторые люди плачут, когда скорбят. Джен не из их числа.

Он слегка качает головой, сжимая руками руль, а его челюсти едва не стирают зубы в пыль. Как будто я не знаю, о чем он думает.

– Приятель, аневризму ведь заработаешь. Просто скажи.

– Она в городе всего неделю, а ты уже по уши в дерьме. Я же говорил, что приходить сюда было плохой идеей.

Купер никогда не будет доволен мною, однако в этом случае он прав. Стоило Женевьеве появиться, и я потерял голову. С нами так всегда было. Поодиночке нас можно сравнить с безвредными химическими веществами, но если их смешать, получится взрывная комбинация, которая сравняет с землей целый квартал.

– Ты ведешь себя так, словно мы ограбили винный магазин. Расслабься. Мы просто поцеловались.

На лице Купера написано неодобрение.

– Сначала поцелуй. А потом что-нибудь другое.

И? Мы ведь никому не причиняем вреда. Я хмурюсь.

– Чувак, какое тебе до этого дело?

Раньше у них с Женевьевой все было нормально. Они даже дружили. Я подумал, что он мог затаить на нее обиду за неожиданный отъезд, но ведь она сделала это не из-за него. В любом случае прошел год. И если даже я не устраиваю истерик по этому поводу, то с чего бы ему это делать?

Когда мы останавливаемся на светофоре, Купер поворачивается и смотрит на меня.

– Слушай, ты мой брат, и я люблю тебя, но ты становишься козлом, когда она рядом. За последние месяцы ты хорошо поработал над собой, пришел в себя. Не порть это, увиваясь за девчонкой, от которой всегда будут одни проблемы.

Что-то в его тоне, не знаю, может, презрение или снисходительность, ударяет меня прямо в грудь. Купер бывает настоящим самодовольным придурком, когда захочет.

– Мы не возобновляем отношения, ясно? Не истери.

Мы подъезжаем к дому, двухэтажному невысокому загородному коттеджу на берегу, который принадлежит нашей семье уже три поколения. Он почти разваливался, но несколько месяцев мы занимались ремонтом. На это действие ушла большая часть нашего времени и почти все сбережения, но все же.

– Ага, продолжай себя убеждать. – Купер глушит мотор и раздраженно вздыхает. – Все по старой схеме: уезжает, когда хочет, внезапно возвращается назад, и ты готов тратить на нее все свое время. Кого-нибудь напоминает? – С этими словами Куп вылезает из машины и хлопает дверью.

Что ж, это было неуместно.

Из нас двоих у Купера обида на маму больше. Доходило до того, что брат дулся на меня за то, что я не испытывал к ней такой ненависти, как он. Однако в последний раз, когда она заявила к нам, я его поддержал. Сказал, что ей здесь больше не рады, особенно после того, что она с ним сделала. Шелли Хартли окончательно перешла все границы.

Но встать на сторону Купера оказалось недостаточно для того, чтобы он смягчился по отношению ко мне. Сегодня каждый получил удар ниже пояса.

Позже, за ужином, Купер все еще стоит на своем. Не в его натуре отступать.

Это дико бесит. Я пытаюсь есть свои чертовы спагетти, а этот идиот по-прежнему лезет ко мне, попутно рассказывая Маккензи – она уже несколько месяцев живет с нами, – о том, как я чуть не трахнул свою бывшую на все еще теплом гробу ее умершей матери.

– Эван говорит, что отойдет на минутку, и оставляет меня выражать соболезнования ее отцу и пятерым братьям, которые, в общем-то, думают, что ее побег из дома – его вина, – ворчит Купер, протыкая фрикадельку вилкой. – Мистер Уэст спрашивает: «Где Эван?», а он в это время нагибает его милую детку где-то в ванной комнате.

– Мы просто поцеловались, – с раздражением объясняю я.

– Куп, прекрати, – говорит Мак, не донося вилку с макаронами до рта. – Я пытаюсь есть.

– Ага, прояви такт, придурок, – упрекаю я.

Пока они не смотрят, я подсовываю кусок фрикадельки Дейзи, щенку золотистого ретривера. Купер и Мак спасли ее с причала в прошлом году, и с тех пор она стала почти вдвое больше. Сначала я был не в восторге от мысли заботиться об этом пушистом создании, которое новая девушка Купера скинула на нас, но потом собачонка провела ночь, свернувшись калачиком в изножье моей кровати, видя свои щенячьи сны, и я сломался, как дешевая игрушка. С тех пор Дейзи крутила мною как хотела. Она единственная дама, которой я могу доверять, единственная, кто не сбежит. К счастью, у Купа с Мак все получилось, так что нам не пришлось сражаться за опеку над собакой.

Забавно, как иногда складывается жизнь. В прошлом году мы с Купером вынашивали подлый, по общему признанию, заговор, чтобы подорвать отношения Мак с ее тогдашним парнем. В нашу защиту скажу, что этот парень был полнейшим засранцем. Но Купер испортил все веселье, проникшись чувствами к богатой студентке. Сначала я ее терпеть не мог, но, как выяснилось, я недооценил Маккензи Кэбот. По крайней мере, я оказался в достаточной степени мужчиной, дабы признать свою ошибку. Купер, с другой стороны, не может держать свои мысли при себе, когда дело касается Джен. Как типично.

– Так что за история у вас с Джен? – спрашивает Мак. В ее темно-зеленых глазах мелькает любопытство.

История? С чего бы начать? У нас с Женеьевой та еще история. Куча всего. Что-то было классно, что-то не очень. Между нами всегда имелись сложности.

– Мы сошлись еще в старшей школе, – рассказываю я. – По большому счету она стала моим лучшим другом. Мастерница устраивать веселье, готовая на все.

Мой разум внезапно наполняется образами. Вот мы разъезжаем по бездорожью на байках в пять часов утра с бутылкой текилы под боком. Серфим на волнах, пока приближается ураган, а после пережидаем шторм на заднем сиденье джипа ее брата. Мы с Джен всегда бросали друг другу вызов, искали приключений, попадали в неприятности, из которых трудно было выбраться невредимыми или вообще живыми. В этих отношениях никогда не было серьезности, поэтому и не возникало момента, когда кто-то сказал бы «хватит». Мы всегда гнались за адреналином.

И Джен была этим адреналином. Бесстрашной и неуправляемой. Она была бескомпромиссной, ее не волновали слова других людей. Она сводила меня с ума. Сколько раз я травмировал руку, пока бил морду какому-нибудь мудаку, зажимавшему ее в баре... Да, может, и был собственником, но она от меня не отставала. Джен как-то оттаскала девицу за волосы просто за то, что та неправильно на меня посмотрела. Большинство всех этих выходов были связаны с нашими постоянными схождениями и расхождениями – собственничество, драки, способы заставить друг друга ревновать. Да, звучит немного безумно, но это был наш особый стиль. Я принадлежал ей, а она – мне. Мы впали в зависимость от примирительного секса.

Моменты тишины тоже вызывали привыкание. Мы лежали на полотенце на своем любимом месте пляжа, ее голова покоилась у меня под подбородком, моя рука обвивала ее талию, и мы любовались звездами. Шептали друг другу самые темные тайны, зная, что никакого осуждения не последует.

Черт, помимо Купера, только она видела, как я плачу.

– Да, было много расставаний и примирений, – признаю я, – но это была наша фишка. А в прошлом году она внезапно уехала. В один день просто собрала вещи и свалила. Никому ничего не сказав.

При воспоминании об этом мое сердце сжимается от боли. Сначала я думал, что это шутка. Что Джен просто сбежала с подружками, хотела напугать меня, чтобы заставить сорваться во Флориду на ее поиски, затем мы бы немного поругались, и все, как обычно, закончилось бы сногшибательным сексом. Я считал так до тех пор, пока ее подруги не сказали, мол, они вообще ничего от нее не слышали.

– Только спустя время я узнал, что она обосновалась в Чарльстоне и начала новую жизнь. Вот так просто. – Я сглатываю горечь, комом застрявшую в горле.

Мак какое-то время пристально изучает меня. Мы сблизились с тех пор, как она стала жить здесь, поэтому я вижу, когда она пытается так сформулировать слова, чтобы не обидеть, но сказать мне, что я полный неудачник. Будто я сам этого не знаю.

– Давай, принцесса. Выкладывай.

Она кладет на стол вилку и отодвигает тарелку.

– Похоже, вы находились в токсичных отношениях. Может, Джен была права, когда все закончила. Возможно, для вас обоих будет лучше держаться друг от друга подальше.

После этих слов Купер посылает мне красноречивый взгляд. Ничто на свете он не любит больше, чем произносить: *«Я же тебе говорил»*.

– Куперу я о тебе то же самое говорил, – напоминаю я. – И гляньте-ка на себя, ребята.

– Да чтоб тебя. – Купер бросает вилку на тарелку, и его стул скрипит, двигаясь по деревянному полу. – Ты не можешь нас сравнивать. Это даже близко не то. Женевьева – ходячая катастрофа. Лучшее, что она сделала для тебя, – перестала брать трубку. Отпусти ее, чувак. Она здесь не ради тебя.

– Да уж, ты, наверное, наслаждаешься этим. – Я вытираю рот салфеткой, а после кидаю ее на стол. – Это расплата, да?

Братец вздыхает, протирая глаза, точно я какая-то собака, отказывающаяся приучаться к горшку. Снисходительный осел.

– Я пытаюсь присмотреть за тобой, потому что ты слишком слеп, чтобы увидеть, чем это закончится. Тем же, чем и всегда.

– Знаешь, – говорю я, вставая из-за стола, – может, прекратишь уже проецировать все свои комплексы на меня? Женевьева не Шелли. Хватит наказывать меня потому, что ты злишься на мамочку, которая тебя бросила.

Я жалею о сказанных словах сразу же, как только они слетают с языка, но не оборачиваюсь. Дейзи следует за мной к кухонной двери, и мы выходим к пляжу. По правде сказать, никто лучше меня не знает, через какое дерьмо мы с Джен прошли. Как неумолимо нас тянуло друг к другу. В этом и дело. Теперь, когда она вернулась, я не смогу игнорировать ее.

Происходящее между нами – то вечное притяжение, которому нельзя сопротивляться, – мне просто не позволит.

Глава четвертая

Женевьева

Я уже жалею об этом. Мой первый день в папином офисе оказался хуже, чем я себе представляла. Неделями, а то и месяцами ребята приходили сюда и оставляли счета, после чего на столе выросла приличная гора из бумаг. Почту бросали в лоток, даже не глядя, от кого она. На ящике с картотекой до сих пор стоит кружка с остатками кофе. В мусорном ведре валяются открытые пакетики из-под сахара, который уже давно унесли муравьи.

И Шейн совсем не помогает. Пока я сижу за компьютером, пытаюсь расшифровать мамину систему именования файлов, чтобы отследить записи оплаченных и непогашенных учетных записей, мой второй старший брат провалился в черную дыру под названием TikTok на своем телефоне.

– Эй, дурила, – обращаюсь я к нему, щелкая пальцами. – Здесь шесть счетов с твоим именем. Они оплачены или еще нет?

Он даже не удосуживается оторвать взгляд от телефона.

– Откуда мне знать?

– Потому что это твои рабочие площадки.

– Все равно не по моей части.

Шейн не замечает, как я трясу руками в воздухе, представляя, как задущу его. Засранец.

– Здесь три письма от Джерри по поводу патио для его ресторана. Тебе нужно позвонить ему и назначить встречу, чтобы все осмотреть и оценить.

– У меня есть дела поважнее, – еле слышно бормочет он, поскольку его внимание полностью приковано к крошечной светящейся штуке в руках. Как будто ему пять лет.

С помощью резинки для бумаги запускаю в брата скрепку. Она попадает ему прямо в лоб.

– Блин, Джен. Какого черта?

Надо же, хоть это отвлекло его.

– Держи. – Я подталкиваю к нему счета и записываю номер Джерри. – Раз ты уже достал телефон, будь добр, позвони.

Крайне возмущенный моим тоном, он усмехается.

– Ты же понимаешь, что, по сути, ты папина секретарша.

Шейн реально испытывает мою любовь к нему и желание оставить его в живых. У меня четверо других братьев. Не то чтобы я буду скучать, если лишусь одного...

– Не помыкай мной, – ворчит он.

– Отец назначил меня офис-менеджером, пока не найдет другого. – Я поднимаюсь из-за стола, чтобы подойти к брату и сунуть бумаги ему в руки, а затем выпроводить из кабинета. – Так что на данный момент я твой бог. Привыкай.

И, вытолкнув его, захлопываю дверь.

Я знала, что так и будет. Расти в доме с пятью братьями было сложно, все боролись за позицию лидера. Каждый пытается проявить независимость, пока кто-то из старших мнит о себе слишком много и навешивает на нас свои обязанности. Теперь все еще хуже: я, двадцатидвухлетний средний ребенок, объясняю старшим братьям, что к чему. И все же папа был прав: это место – просто развалюха. Если я не приведу все в порядок, да побыстрее, он точно разорится в ближайшее время.

После работы я встречаюсь с Билли в «Ронде», местном заведении для пенсионеров, которые целыми днями разъезжают туда-сюда по Авалон-Бэй на гольф-карах и обмениваются

партнерами за игрой в покер. Потепление в мае в заливе означает возвращение многочисленных туристов и богатеньких придурков, которые заполняют набережную, поэтому остальным приходится искать другие места для отдыха.

Пока брат улыбается барменше с загорелым лицом, выпрашивая пиво, – никто в барах нашего города не позволяет местным платить с отсрочкой – я заказываю кофе. На улице не по сезону душно даже на закате, одежда липнет к коже, подобно папье-маше, но я всегда могу выпить чашечку горячего неразбавленного кофе. Это выдает во мне южанку.

– Видел, как вы с Джем вчера принесли коробки, – говорит Билли. – Это последние?

– Ага, я оставила большую часть вещей в хранилище в Чарльстоне. Кажется немного бессмысленным тащить сюда всю мою мебель, а через пару месяцев снова увезти ее обратно.

– То есть все еще собираешься вернуться?

Я киваю.

– Да, но придется подыскать новое жилье.

Мой арендодатель – полный идиот, он разорвал договор аренды на два месяца раньше, но я все равно буду платить ему, пока живу в доме детства. С уходом с работы дела обстояли не лучше. Мой босс в агентстве недвижимости разве что не посмеялся надо мной, когда я упомянула об отпуске. Надеюсь, папа планирует хорошо мне заплатить. Он, может, и скорбящий вдовец, но я не работаю бесплатно.

– Угадай, кто на днях заходил в магазин? – спрашивает Билли с предупреждением в голосе. – Мистер Дерьмовый Заместитель прицепился ко мне из-за вывески на тротуаре. Что-то там про городское постановление и блокировку пешеходного движения.

Мои ногти впиваются в деревянную барную стойку. Даже по прошествии года упоминание Расти Рэндалла по-прежнему вызывает неминуемый гнев.

– Этот знак там сколько стоит? – сетует Билли. – Лет двадцать?

Насколько я помню, да. Это главный элемент тротуара – наша деревянная табличка в форме буквы А с мультяшным мастером на все руки, объявляющим: «*ДА, МЫ ОТКРЫТЫ!*» и размахивающим разводным ключом. На другой стороне доски – информация о распродажах недели или новых продуктах. Когда я была маленькой и любила ходить с папой на работу, он кричал из офиса, что мне нельзя рисовать на вывеске. Я торопливо стирала свои шедевры и начинала переносить их на асфальт, делая все возможное, чтобы люди обходили их, и едва ли не откусывала лодыжки туристам, которые стаптывали свои Sperry's¹, проходя через мою импровизированную галерею.

– Придурок не уходил до тех пор, пока я не занес вывеску внутрь, – жалуется Билли. – Стоял там минут пятнадцать, пока я притворялся, будто помогаю клиентам, а потом торговался с ним из-за этого дерьмового постановления. Я уже хотел позвонить отцу, чтобы тот вразумил его, но он схватился за наручники, словно собирался арестовать меня, так что я послал все. Подождал несколько минут после того, как он ушел, а затем снова выставил стенд на улицу.

– Вот мудака, – бубню я в чашку кофе. – Ты же знаешь, он от этого тащится.

– Меня удивляет, что он не выследил тебя в городе. Почти ожидал, что он будет сидеть возле дома посреди ночи.

Я бы этого не исключала. Около года назад заместитель Рэндалл стал моей *поучительной историей*. Та ночь опустила меня на самое дно, и я поняла, что не могу продолжать жить так, как раньше. Слишком много пью, каждую ночь устраиваю вечеринки, позволяю своим демонам брать над собой верх. Я должна была что-то с этим сделать – вернуть свою жизнь, пока не стало слишком поздно. Итак, я составила план, собрала все необходимое и отправилась в Чарльстон. Билли был единственным человеком, которому я рассказала о той ночи с Расти. Несмотря на то что брат на два года младше меня, он всегда был моим самым близким другом.

¹ Sperry's – бренд обуви. – Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

– Я все еще думаю о его жене, – признаюсь я. Чувство вины, снедающее меня при мысли о Кайле и ее детях, по-прежнему сильно. Я слышала, что не так давно она бросила Расти и забрала детей. – Мне кажется, я должна найти ее и извиниться.

Хотя одной только мысли о встрече с ней и о том, как она может отреагировать, достаточно, чтобы меня охватило беспокойство. С той ночи это стало моим новым чувством. Бывали времена, когда меня ничего не пугало. То, что заставляло других рыдать или лезть на стену, вообще на меня не действовало. Теперь я оглядываюсь назад, на свои дни самого отвязного веселья, и съеживаюсь. Некоторые из них были не так уж давно.

– Поступай как знаешь, – произносит Билли и делает такой глубокий глоток пива, словно пытается смыть затянувшуюся тему изо рта. – Но тебе не за что извиняться. Мужик этот – подонок, каких поискать. Ему повезло, что мы не подкараулили его где-нибудь в темном переулке.

Я заставила Билли поклясться хранить мою тайну. В противном случае он бы точно побежал к отцу или братьям и разболтал обо всем. Меня радовало, что он сохранил это в секрете. Нет никакого смысла в том, чтобы им всем попадать в тюрьму за избиение копа. Тогда Рэндалл победил бы.

– Так или иначе, я все равно на него наткнулся, – говорю я больше себе самой.

– Ну, если тебе понадобится по-быстрому смыться из города, у меня есть где-то восемьдесят баксов. Я припрятал их в моей старой кровати в папином доме. – Билли ухмыляется, что очень помогает мне расслабиться. Люблю его за это.

Пока мы закрываем кассу, получаю сообщение от моей лучшей подруги Хайди.

Хайди: Костер сегодня на пляже.

Я: Где?

Хайди: Как обычно.

То есть у дома Эвана и Купера. В месте, где полным-полно эмоциональных ловушек, в которые бы мне не хотелось угодить.

Я: Не знаю, хорошая ли это идея.

Хайди: Да ладно тебе. Пара напитков, а потом сможешь свалить.

Хайди: Не заставляй меня за тобой приходить.

Хайди: Увидимся там.

Я: Ладно, стерва.

Сдерживая усталый вздох, стараюсь осмыслить эту напряженную ситуацию. Вернувшись в город, я была рада воссоединиться со старыми друзьями и проводить больше времени с другими людьми, но попытка отшить Эвана делает все намного сложнее. Ведь не проведешь же черту в центре города. И я совсем не желаю, чтобы лето превратилось в испытания на верность и заявление прав на общих друзей, с которыми мы будем пересекаться. Это несправедливо по отношению к нам обоим. Ведь, насколько я знаю, ничего хорошего из того, что я снова впускаю Эвана в свою жизнь, не выйдет. И у меня нет никаких намерений обидеть его. Это мое наказание, а не его.

Глава пятая

Эван

Все наши потаенные желания сбываются по ночам. При полной луне мы лишь скрытые образы самих себя, разоблаченные серебристым светом. Залив превратился в место для озорства и освобождения от запретов: тела объаты жаром, все хотят классно провести время. Используют любой повод для вечеринки.

На пляже, рядом с костром, тусуются десятки наших друзей и пара-тройка случайных подхалимов. Наш дом прямо за дюнами и травянистой лужайкой с деревьями, очертания его видны лишь в оранжевом свете фонарей на крыльце. Отличное время для того, чтобы расслабиться с друзьями. Двое парней с гитарами спорят, с какой песни начать, в то время как другая компания играет в фрисби-стриптиз. Хм, чего только не сделаешь сегодня, лишь бы перепахнуться.

– Итак, этот клон надрался в хлам, – рассказывает собравшимся у костра Джорди, наш старый школьный приятель, сидя на коряге и скручивая косяк. Чувак может делать это с закрытыми глазами. – И, короче, подходит к нашему столику. Прямо натывается на нас. И продолжает звать меня Паркером.

Мы смеемся, потому что это чертовски похоже на типичное имя клона. Эти слабаки, любители отглаженных воротничков, мистеры Богатенькие Ричи, которые ходят в Гарнет-колледж, очень предсказуемы. Не могут удержать в себе выпивку и винят в этом всех остальных.

– И где-то минут двадцать он стоит и болтает с нами, держится за стол, чтобы не свалиться на пол. Понятия не имею, о чем он там бормотал. Но тут он внезапно говорит: *«Эй, парни, у меня дома афтерпати, пойдёмте»*.

– Нет, – произносит Маккензи, в голосе которой звучит испуг, ее глаза округляются. – Только не это.

Сегодня благодаря ей у Купера хорошее настроение, потому что она сидит у него на коленях, уткнув свои сиськи ему в лицо. Занимает его на полную катушку, от чего, конечно, меня охватывает облегчение. Я уже устал от его дурацких истерик.

Джорди пожимает плечами.

– Ну, он настоял. Итак, мы вчетвером собираемся вытащить этого парня из бара. Потом он передает мне свои ключи и говорит: *«Ты поведешь, синяя тачка»*. Я нажимаю кнопку на брелоке, и мне подмигивает кроссовер Maserati. И я такой – это, мать вашу, нереально. Это ж тачка за сто тысяч баксов. Я почти уверен, что где-то в туалете бара наступил в мочу, но ладно, чувак, как скажешь.

– Просто скажи, что его почки все еще при нем, – говорю я с улыбкой.

– Да-да. Мы не разрубали на части ни его самого, ни машину. – Джорди взмахивает рукой. – Короче, клон говорит: *«Машина, вези меня домой»*. И машина такая: *«Ладно, Кристофер, вот твой марирут домой»*. В какой-то момент я думаю: черт, это ж надо. Поэтому завожу малышку и начинаю движение. Где-то через полчаса мы оказываемся у его гребаного большущего особняка на побережье. Я имею в виду всякие там железные ворота, фигурные кусты и прочую дрянь. Итак, мы добираемся туда целыми и невредимыми, а потом чувак такой говорит: *«Эй, хотите увидеть кое-что крутое?»*

Самые известные слова перед серьезными неприятностями. Как в тот раз, когда наш друг Уайет попробовал трюк с ножом из «Чужого», после чего ему пришлось наложить тридцать семь швов и приделать на место запястье. Если подумать, тогда мы с Женевьевой зависали

вместе в последний раз. И это было классно, несмотря на всю эту кровь. Не могу утверждать, как именно мы в итоге оказались на шестидесятипятифутовой лодке для спортивной рыбалки посреди залива, помню только, что мы задолбались причаливать ее, а потом еще умудрились как-то сойти на берег где-то миль за десять от места, куда намеревались попасть. Ориентироваться в темноте после нескольких стаканов виски намного сложнее.

Не могу поверить, что почти забыл о той ночи. Но, кажется, я много чего пытался забыть за последний год. Какое-то время я надеялся, что Джен вдруг вернется, как если бы ничего не случилось. Будто она проспала шесть месяцев подряд. А затем семь, восемь месяцев... и вот уже целый год прошел. Тогда я решил сдерживать себя, пытался заставить не думать о ней каждый раз, когда всплывали наши общие воспоминания о старых временах. И, естественно, в момент, когда я уже почти выкинул ее из головы, она вернулась. Свеженький неразбавленный шот прямо в кровь после года в завязке.

Теперь все, что я чувствую, это ее губы. Ощущаю ее ногти на своей спине каждую ночь, когда лежу в постели. Просыпаюсь, слыша ее голос. Это выводит из себя.

– Этот сумасшедший ублюдок думает, что он Соколиный Глаз² или что-то в этом роде, – продолжает Джорди, передавая сигарету по кругу. – Бегает там с луком, стреляет огненными стрелами по всему заднему двору. Я такой: *«Не, приятель, я видел этот фильм»*. Мы с парнями хотим свалить и тут понимаем, что приехали на тачке этого придурка и заперты за железными воротами.

Ничего не могу с собой поделаться и смотрю в сторону дома. Все продолжаю надеяться, что Джен выйдет из тени. Я чувствую, как Маккензи наблюдает за мной. Ловит мой взгляд. Точнее, понимает, что я *надеюсь*. Ведь я в курсе, что Хайди или одна из девчонок пригласили Джен, и если она не придет, это будет означать лишь одно – она прячется у своего отца, лишь бы не встречаться со мной. Подобная мысль невероятно раздражает.

– Нам уже не терпится сбежать, потому что этот чувак реально спятил, и мы начинаем карабкаться через эти чертовы кусты и режемся не по-детски. У меня на плече Дэнни, которого я хочу перекинуть через забор. Хуан пытается вызвать Uber, но прием дерьмовый и приложение не работает. Мы еле пробираемся, слышим позади какую-то возню, и я в это время думаю: кто-нибудь из этих богатеньких клонов подумает, что дом горит, и направит на нас копов. И, конечно же, когда мы идем по главной дороге минут через десять, за нами медленно едет машина.

До меня доносится голос, и я оборачиваюсь через плечо. Это Джен, стоит неподалеку рядом с Хайди и другими девчонками. На ней лонгслив, спадающий с одного плеча, и едва прикрывающие хоть что-то короткие шортики, облегающие задницу, как вторая кожа. Длинные черные волосы каскадом спадают на спину. Убейте меня сейчас же.

Джен знает себе цену. Уверенная и хладнокровная, но в то же время взбалмошная и непредсказуемая, точно в любой момент она может либо послать тебе воздушный поцелуй, либо проткнуть твой парашют ножом, а затем столкнуть с самолета. Нет ничего сексуальнее, чем видеть озорной блеск в ее голубых глазах, пока она раздумывает о предстоящей шалости.

– И тут машина тормозит. Чувак, у меня аж сердце чуть не остановилось. Пацан высывает голову из окна и орет на нас: *«Залезайте, придурки. Пьянчуга Ланнистер сорвался с цепи, это Битва у Черноводной³!»*

Толпа взрывается смехом. Огонь вспыхивает, когда кто-то выкашливает полный рот пива. Замечаю, что Джен демонстративно не смотрит в нашем направлении.

Джорди затягивается.

² Соколиный глаз, он же Клинт Бартон, – супергерой Marvel Comics.

³ Битва у Черноводной – в серии романов «Песнь льда и огня» крупнейшая битва в Войне пяти королей. Тирион Ланнистер, десница короля, управлял защитой города.

– Оказалось, Люк ушел с какой-то цыпочкой-клоном, которая жила дальше по улице, и был снаружи, когда они увидели того идиота. Он метал горящие стрелы направо и налево и в итоге подпалил по крайней мере две лодки на причале. Соседи выбегали из своих домов и стреляли в ответ сигнальными ракетами. Настоящее безумие.

От Купера не укрывается, как я смотрю на Джен. Даже без слов понимаю, что он осуждает меня. Затем братец качает головой, что с тем же успехом можно назвать вызовом. Да, он остепенился, но я все еще собираюсь хорошенько повеселиться. И я знаю Джен. Хоть она и была в завязке раньше, но теперь она вернулась, и нет никакого смысла нам обоим притворяться, будто мы сумеем держаться друг от друга подальше. Это просто сильнее нас.

Отхожу от костра и направляюсь к ней. У меня уже наполовину стояк, когда я думаю о нашей последней встрече. Ее ноги обвиваются вокруг меня. Зубы впиваются мне в плечо. На моем теле все еще остались ее следы. Один взгляд на эту девушку – и я уже хочу затащить ее в постель и наверстать упущенное.

Она чувствует, как я подхожу, еще до того, как я открываю рот, и оборачивается через плечо. Краткий момент осознания – искра желания, смешанного с тоской, – а затем выражение ее лица становится бесстрастным.

– Что пьешь? – интересуюсь я, сообразив, что это лучший способ начать общение.

– Я не пью.

Неловко уже с самого начала. Вся непринужденность нашего разговора у нее дома исчезла. До такой степени, что даже Хайди и Стеф вздрагивают от смущения.

– Чего тебе хочется? – спрашиваю я, не обращая внимания на ее реакцию. Если бы это хоть когда-то действовало на меня, мы бы не стали снова встречаться. – Я сбегая в дом и сделаю тебе что-нибудь.

– Не надо, спасибо. – Джен глядит на волны, наплывающие на песок.

Я сдерживаю вздох.

– Мы можем поговорить? Прогуляйся со мной.

Джен перекидывает волосы через плечо жестом, который мне хорошо знаком. Так она говорит отвалить. Взмахом волос дает понять: «Я уже давно перестала тебя слушать». Будто мы незнакомцы.

– Нет, – говорит она совершенно неузнаваемым голосом. – Я не собираюсь тут задерживаться. Просто заскочила поздороваться.

Но не со мной.

– Так, значит, вот как все будет? – Пытаюсь сдержать язвительность в своем тоне, но терплю неудачу. – Ты возвращаешься, а потом притворяешься, что не знаешь меня?

– Окей, – вмешивается Хайди, скучаяще закатывая глаза. – Спасибо, что подошел, но на сегодня это зона без пенисов. Проваливай, Эван.

– Пошла ты, Хайди. – Она вечно создает проблемы.

– Ага, я радостью.

И с этими словами Хайди со Стеф утаскивают Джен ближе к костру, оставляя меня стоять одного, как полного идиота.

Шикарно. Ну и насрать. Сдалось мне это ее пренебрежение. Раз Женестьева хочет играть в игры, то ладно. Я беру пиво из холодильника и замечаю группу девушек, направляющихся к вечеринке. Они выглядят так, словно только что выбрались из папочкиного Bentley. Все одеты в одинаковые топики с рюшами и короткие юбки – прямо с конвейера клонов. Определенно студентки Гарнета, ставлю на сестер из женского общества. Полные противоположности Джен во всех отношениях. С минуту они стоят с потерянными лицами, пока одна из них не находит взглядом меня.

Девчонка изо всех сил старается выглядеть хладнокровной, когда плавной походкой идет по песку. На ее губах слишком много блеска. Она улыбается мне.

– Можно мне выпить?

Я с радостью откупориваю бутылку пива и беру еще несколько для ее подруг. Самое лучшее в богатых девушках, приезжающих потусить к местным в трущобы, это то, что их легко развлечь. Расскажите им несколько приукрашенных историй о почти смертельных подвигах и побегах от копов, и они заглотят эту наживку. Подобная хрень утоляет их любопытство, позволяя им ненадолго вырваться из-под родительской опеки и немного пощекотать нервы, после чего они побегут рассказывать своим друзьям, как они ушли в отрыв. Обычно это чувство – точно я мартышка в зоопарке – бесило меня, но не у меня сегодня кислое выражение лица.

Пока цыпочки гладят мои руки, смеются над моими шутками и сдирают с меня рубашку после того, как я признаюсь им, что у меня есть татуировки, Джен сверлит нас злобным взглядом со своего места у костра. Этот взгляд как бы говорит: *серьезно, они?* Однако я не собираюсь отвечать, ведь если она хочет притворяться, словно я для нее умер, да будет так.

– У меня тоже есть тату, – оповещает меня самая храбрая из девчонок. Она миленькая, похожая на других таких же клонов. Хотя у нее отличные буфера. – Сделала ее на весенних каникулах в Мексике в прошлом году. Хочешь посмотреть?

Прежде чем я успеваю произнести хоть слово, она задирает юбку, чтобы показать мне внутреннюю сторону бедра. Ее татуировка в виде медузы выглядит так, будто она скользит прямо в кружевные трусики девушки. Не знаю, почему это должно быть сексуально. Но Джен наблюдает, как я смотрю, и это довольно горячо.

– Больно было? – спрашиваю я, встречаясь взглядом с Джен через плечо цыпочки.

– Немножко. Но мне нравится боль.

– Ага, понимаю. – Это слишком легко. Эта девица едва ли не умоляет меня отвести ее в дом. – Боль учит нас, что такое удовольствие. Иначе как мы поймем, в чем разница?

В конце концов ее подружки бросают попытки охмурить меня и уплывают на поиски другой жертвы для одноразового переписа. Долго она не ждет – накидывается на меня с поцелуем, а я хватаю ее за задницу. Довольно знакомая ситуация, которую я проворачивал множество раз за этот год. Забывался в сплетении голодных языков и нетерпеливых тел, на время забывая о Джен, о хладнокровной правде ее молчаливого отъезда.

Но сейчас она все, о чем я думаю. Когда я отстраняюсь от девушки, чтобы глотнуть немного воздуха, краем глаза вижу, как Джен закусывает губу, словно, если бы не свидетели, она бы мне глотку перерезала. Ха. Чертовски жаль. Она сама это начала.

– Ублюдок!

Я моргаю, и передо мной вдруг появляется какой-то придурок в поло. Его лицо покраснело от гнева, что делает его похожим на разъяренного омара. Он называет девушку Эшлин, и та отползает от меня с виноватым видом примерно за секунду до того, как чувак бьет меня по лицу. Удар не очень хороший, и моя голова едва дергается в сторону.

– Что ж, это было грубо, – замечаю я, двигая челюстью. За всю жизнь меня столько раз били, что я уже почти ничего не чувствую.

– Держись от нее подальше! – Он весь аж подпрыгивает, играя в мачо. За ним стоят его приятели.

Я взглядом пытаюсь найти Эшлин, но она уже отошла от меня и теперь стоит недалеко со своими друзьями. В мою сторону она и не смотрит. Самодовольное выражение ее лица, пока она наблюдает за мистером Поло, подсказывает мне, что сегодня я стал для нее не просто легкомысленным развлечением. Я стал расплатой.

– Полегче, – говорю я парню. Несколько человек оборачиваются, а затем, когда народ узнает о ссоре, еще больше. – Мы с твоей сестричкой только познакомились.

– Это моя девушка, болван!

– Спишь со своей сестрой? Это ж дичь, чувак.

Второй удар сильнее. Когда я облизываю губу, мой рот наполняется вкусом крови. Я сплевываю красный сгусток на песок.

– Давай, красавчик, – дразню я с кровавой улыбкой. Руки покалывает от предвкушения. – Ты можешь лучше. Она даже показала мне свое тату.

Он снова бросается на меня, но на этот раз я уклоняюсь и швыряю его на землю. Из носа мистера Поло хлещет кровь. Мы боремся, песок смешивается с кровью, стекающей по нашим рубашкам. Обмениваемся ударами, катаясь по земле, пока кто-то из его и моих приятелей наконец не подлетает, чтобы разнять нас. Мои друзья кричат клонам проваливать. В конце концов, они в меньшинстве. Тем не менее, пока красавчик с его прихвостнями отступают, я не могу отделаться от ощущения, будто меня прервали: мои мышцы еще не устали, а адреналин по-прежнему бурлит в венах.

– Приходите еще! – ору я им вслед.

Потом я оборачиваюсь, и мне в лицо прилетает волна соленой воды. Продрав глаза, вижу Джен с пустым красным стаканчиком. Я ухмыляюсь ей.

– Спасибо, как раз пить хотел.

– Ты идиот.

– Он первым ударил. – У меня щиплет губы и болит рука, но в остальном я невредим. Я тянусь к ней, но она отступает.

– Ты совсем не изменился.

С этими словами она бросает стакан мне под ноги и уходит с Хайди и Стеф. Ее пренебрежительно-брезгливый взгляд бьет сильнее, чем любой удар, который я перенес от мистера Поло.

Я совсем не изменился? А почему я *должен* меняться? Я тот же человек, которого она знала всегда. Разница только в том, что она свалила на год, а потом вернулась с этим комплексом превосходства. Притворяется кем-то другим. Ведь я почувствовал тогда, в ее доме. Почувствовал настоящую Женевьеву. Эта новая версия – просто роль, которую она не очень хорошо исполняет. Понятия не имею, на кого, по ее мнению, она старается произвести впечатление, но я не намерен расстраиваться из-за своей честности. По крайней мере, один из нас честен.

– Что это сейчас было?

Купер следует за мной в дом, я захожу на заднее крыльцо.

– Не хочу ничего слышать, – отмахиваюсь я, открывая стеклянную дверь в кухню.

– Эй, – он хватается меня за плечо, – все отлично проводили время, пока ты не начал какую-то хрень.

– Я ничего не начинал. – Это так предсказуемо. Какой-то случайный чувак пристаёт ко мне, и Купер выставляет меня виноватым. – Он сам решил подраться со мной.

– Ага. Всегда виноват кто-то другой. Но каким-то образом они вечно выбирают тебя. С чего бы это, а?

– Да я просто везунчик, наверное.

Я пытаюсь уйти, но Купер становится у меня на пути и толкает в грудь.

– Тебе нужно взяться за ум. Мы уже не дети. Устраивать драки только потому, что у тебя проблемы, уже давно не весело, Эван.

– Знаешь, хоть раз в жизни было бы классно, если б ты занял мою сторону.

– Так хватит вечно быть на неправильной стороне!

К черту все это. Я отпихиваю его и иду наверх принять душ. Купер всегда отказывался смотреть на ситуацию моими глазами. Он слишком занят, играя в осуждающего козла. Ему обязательно нужно быть опекающим братом в этой чуши с близнецами, он всегда предстает таким добрым полицейским, но я уже сыт по горло.

Ожидая, пока нагреется вода, я смотрю на свое отражение в зеркале и испытываю легкий шок. Губа немного опухла, но не сильно. Нет, меня пугает опустошенный взгляд. В нем уга-

дываются потерянности и уныние. Я изо всех сил пытался их игнорировать с тех пор, как моя лучшая подруга сбежала из города. Чертовски надеюсь, что у меня не было такого выражения лица, когда я разговаривал с Джен. Она прекрасно знает, что своим отъездом воткнула нож мне в сердце, но будь я проклят, если она увидит последствия того, что натворила.

Глава шестая

Женевьева

К тому времени, как пятничным вечером я выключаю в офисе компьютер, на улице уже темно. Я не собиралась задерживаться допоздна – все остальные давно уже разошлись по домам, – но погрязла в таблицах и просто продолжала работать, пока Хайди не напомнила о том, что чуть позже мы с девочками договорились встретиться. Это заняло у меня примерно две недели, но мне наконец удалось разобраться с системой отслеживания счетов. К следующей неделе я должна погасить все неоплаченные счета – как раз вовремя, чтобы выплатить зарплату. Мне пришлось пройти ускоренный курс Google по программному обеспечению, но, к счастью, мама настроила его так, что по большей части процесс идет автоматически. Последнее, что мне нужно, это разгневанные сотрудники, прибегающие сюда с претензиями из-за задержки зарплаты. Отчасти я обеспокоена тем, что слишком хорошая работа делает меня здесь незаменимой, но, с другой стороны, надеюсь, что, если все пойдет как по маслу, это поможет папе в ближайшее время найти на мое место нового менеджера.

Пока я запираю здание, на парковку въезжает знакомый пикап. Мои плечи напрягаются, когда Купер выходит из машины и направляется ко мне с решимостью человека, у которого на уме что-то недоброе.

– Привет, Куп.

Они с братом идентичны: темные волосы, грозные карие глаза. Куп высокий и стройный, обе руки покрыты татуировками. И все же, как ни странно, меня никогда к нему не тянуло. Мне сразу приглянулся Эван, и даже с закрытыми глазами я всегда могла их различить, будто у них совершенно разная аура.

– На пару слов, – бросает он с ноткой гнева в голосе.

– Ладно. – Его резкий тон отталкивает меня, вынуждая воздвигнуть перед собой невидимую стену. Я росла средним ребенком с пятью братьями. Абсолютно никто не может запугать меня, поэтому я натягиваю успокаивающую улыбку. – В чем проблема?

– Держись от Эвана подальше.

Что ж, по крайней мере, он прямолинеен.

Я знала, что показываться на пляже прошлым вечером было плохой идеей. Внутренний голос просто кричал о том, что идти туда, где будет Эван, не закончится ничем хорошим, но я убедила себя, что сумею держать дистанцию, не общаться с ним, и тогда все обойдется. Очевидно, я подошла слишком близко к краю.

– Наверное, тебе стоит поговорить с ним, Куп.

– Я говорю с тобой, – огрызается он, и какую-то секунду я нервничаю. Мне так и не удалось избавиться от странного ощущения, возникающего, когда вроде бы общаешься с Эваном, а тебе слышатся слова его брата. Я знаю парней с детства, и при нашем с Эваном прошлом трудно сопоставить это чувство близости с совершенно другим, но похожим человеком. – У него все было нормально, пока ты не вернулась. И вот ты тут не больше пары недель, а он уже избивает какого-то придурка из колледжа, потому что ты снова заморочила ему голову.

– Это нечестно. Мы виделись всего пару раз.

– И посмотри, сколько вреда это принесло.

– Я твоему брату не сторож, – напоминаю я, чувствуя себя неловко из-за исходящей от него враждебности. – Что бы Эван ни задумал, я не отвечаю за его поведение.

– Нет, ты – причина его поведения.

Купера не узнать. Раньше он был милым. С ним можно было договориться. Ну, насколько вообще можно договориться с кем-то из семейки Хартли. Поддавливать меня на парковке – не в его стиле.

– Откуда все это? Я думала, у нас все нормально. Мы же дружили.

Раньше наша троица вечно вляпывалась в какие-нибудь неприятности.

– Да пошла ты, – горько усмехается он. Это поражает меня. Он мог бы с тем же успехом плюнуть мне в лицо. – Ты вырвала моему брату сердце и свалила, даже не попрощавшись. Насколько хладнокровной стервой надо быть, чтобы так поступить? Ты хоть знаешь, что сделала с ним? Нет, Джен. Мы не друзья. Ты потеряла это право. Никто больше не ранит Эвана.

Я даже не знаю, как на это реагировать. Просто стою там, во рту пересохло, в голове ни одной мысли, и гляжу на этого человека, которого знаю практически всю жизнь, а он смотрит на меня так, будто я самая последняя дрянь. Горло прожигает вина, ведь я знаю, что он прав. То, что я сделала, *действительно* было хладнокровно. Ни предупреждения, ни прощания. Можно было точно так же взять спичку и поджечь всю нашу с Эваном историю. Но я не думала, что Куперу будет дело до того, что я бросила его брата. Если уж на то пошло, мне казалось, он воспримет это с облегчением.

Очевидно, я была неправа.

– Я серьезно, Джен. Оставь его в покое.

И, снова окидывая меня презрительным взглядом, он садится в свой грузовик и уезжает.

Позже, в «Пляжном баре Джо», я все еще отвлечена мыслями о встрече с Купером. Играет дурацкая музыка, запахи парфюма и спрея для тела смешиваются с соленым воздухом, дующим из открытого патио, а я продолжаю прокручивать в памяти его обидные слова. Тревожным кажется то, что он выследил меня, лишь бы сказать, чтобы я держалась подальше от Эвана. Если бы я не знала Купера, то у меня были бы все причины испугаться. Но так или иначе я его знаю. И Эвана тоже. Поэтому чем больше я вспоминаю наш разговор, тем сильнее злюсь: да как он посмел вот так подойти ко мне и потребовать отвалить? Точно Эван не был взрослым мужчиной с кучей проблем, которые не имеют ко мне никакого отношения. Куп хочет поиграть в защитника? Ладно, плевать. Но, несмотря на мое затянувшееся чувство вины за внезапный отъезд, когда я собственными глазами увидела, как Эван по-прежнему создает проблемы, это только укрепило меня в убеждении, что отъезд стал правильным решением. У Эвана было полно времени, чтобы привести свою жизнь в порядок. Если он этого не сделал, то меня его дела не должны волновать.

– Эй.

Хайди, сидящая за стойкой напротив, щелкает пальцами у моего лица, пробуждая от тяжелых мыслей. Из всех девушек в нашей компании я ближе всего общаюсь с ней, потому что она, наверное, больше других на меня похожа. С ее платиновым бобом и острым как бритва язычком Хайди – настоящая крутая девчонка, то есть мой типаж. Она тоже слишком хорошо меня знает.

– Ты там жива? – она глядит на меня с подозрением.

Я отвечаю нерешительной улыбкой, приказывая себе поддерживать хотя бы видимость присутствия в компании. Конечно, мы часто переписывались после моего отъезда, но я уже давно не зависала с друзьями.

– Извини, – смущенно выдавливаю я.

Я колю соломинкой лед в своем безалкогольном коктейле. В такие ночи мне не помешало бы выпить по-настоящему.

– Ты уверена, что не хочешь чего-нибудь покрепче? – спрашивает Алана, соблазнительно протягивая свой стакан текилы с легким лаймовым ароматом и простым сиропом.

– Оставь ее в покое. – Стеф, вечная защитница слабых, бросается на амбразуру, вставая между мной и девчонками. – Ты же знаешь, если она выпьет, монастырь ее не примет.

Ладно, не такая уж она и милая.

– Да, сестра Женевьева, – поддерживает Хайди с саркастичной ухмылкой, произнося слова медленно, будто я студентка по обмену или что-то в этом роде. Попытка выяснить, насколько сильно я изменилась за время отсутствия. – Должно быть, тебе непривычны все эти огни и громкая музыка. Ты еще помнишь, что такое музыка?

– Я переехала в Чарльстон, – говорю я, показывая средний палец, – а не в деревню амишей⁴.

– Точно. – Алана отпивает еще немного своего напитка, и солоно-сладкий запах возбуждает во мне жажду. – Печально известный «сухой»⁵ город Чарльстон.

– Ага, как забавно, – отвечаю я на ее поддразнивание. – Ты просто уморительна.

Они не понимают. Не совсем. И я их не виню. Эти девчонки были моими подругами с детства, так что они всегда считали меня нормальной. Но это не так. Когда я пила, мною руководила неконтролируемая склонность к саморазрушению, определявшая каждый мой шаг. Я принимала неудачные решения. Не могла найти золотую середину между сдержанностью и уничтожением. Если не упоминать о досадном промахе в прошлом месяце во время поездки во Флориду, когда я проснулась в чужой постели, мне довольно неплохо удавалось сохранять трезвость. Впрочем, не без усилий.

– Тогда за Джен, – Хайди поднимает стакан, – которая, может, и забыла, как хорошо проводить время, но мы все равно принимаем ее назад.

Хайди всегда умела делать двусмысленные комплименты. Это ее язык любви. Если она хотя бы изредка не оскорбляет тебя, то, считай, ты для нее мертв. Я ценю это качество, поскольку всегда ясно, что она думает. Честность – лучшая политика.

Но, снова смягчая свой тон, она ставит меня в тупик.

– Добро пожаловать домой, Джен. Я и правда скучала по тебе. – Затем, поняв, что проявила эмоции, Хайди хмурится, добавляя: – Никогда больше не бросай нас, сучка.

Я прячу улыбку.

– Постараюсь.

– Добро пожаловать, – повторяют за ней Алана и Стеф, поднимая бокалы.

– Итак, просветите меня, – я предпочла бы говорить о чем угодно, потому что в связи с похоронами и возвращением домой все спрашивают у меня только одно: как я держусь. Мне уже тошно от этого. – Что вообще происходит?

– Алана трахается с Тейтом, – выдает Стеф с излишней дозой энтузиазма, будто до этого едва сдерживалась, лишь бы не разболтать. Если Хайди с Аланой молчаливы, то Стеф – большая любительница сплетен, была такой с детства. Ей нравится драма, только если та случается не с ней.

– Господи, Стеф, – Алана кидает в нее бумажную подставку под напитки. – Скажи погромче.

– Что? Это правда. – Стеф потягивает свой напиток с искоркой в глазах, намекающей на то, что она совершенно не раскаивается.

– Как такое произошло? – с любопытством спрашиваю я. Наш друг Тейт, мягко говоря, тот еще потаскун. Даже среди самых неразборчивых в связях людей в нашем широком кругу он пользуется дурной славой. Обычно такие Алане не нравятся. Она... ну, привередливая, если можно так выразиться.

Алана в ответ пожимает плечами.

⁴ Амиши, они же аманиты или амманиты, – религиозное движение. Амиши отличаются простотой жизни и одежды, нежеланием принимать многие современные технологии и удобства.

⁵ Имеется в виду город, в котором не продают алкогольные напитки.

– Да просто ужас. Однажды я бродила в темноте, и тут – бац! – споткнулась и упала прямо на его член.

Занятно. Сейчас сезон летних перепахиваний. Наверное, ей это на пользу.

Хайди закатывает глаза, недовольная уклончивостью Аланы.

– Скорее уж, вы трахаетесь с прошлой осени.

Я приподнимаю бровь. С прошлой осени? Я и не знала, что они заинтересованы в долгосрочных отношениях.

– Так, значит, у вас серьезно, или...

Она еще раз уклончиво наклоняет голову, но это только раззадоривает мое любопытство.

– Нерегулярные связи на одну ночь. Крайне эпизодического характера.

– А еще есть Уайет, – глупо улыбаясь и изгибая бровь, вставляет Стеф, словно раскрывая страшный секрет.

– Уайет? – удивленно повторяю я. Это откровение еще больше сбивает с толку, нежели информация о Тейте. – А что насчет Рэн? – спрашиваю я.

– Ты же знаешь, как они вечно то сходились, то расходились на протяжении трех лет? Бросали друг друга каждую неделю? Ну, это в конце концов аукнулось, – с усмешкой произносит Хайди. – Рэн снова бросила его из-за какой-то ерунды, и он решил двигаться дальше.

Вау. Я определенно не ожидала такого поворота. Лорэн с Уайетом в этом смысле были похожи на нас с Эваном – постоянно расставались и мирились, – но я никогда не думала, что они покончат с отношениями навсегда.

– И ты подкатила к нему? – требую я ответа, поворачиваясь к Алане. – Рэн – наша подруга. Разве это не противоречит девичьему кодексу?

– Я не подкатывала к нему, – Алана с возмущением реагирует на мое предположение. – Мы не собираемся встречаться, что бы вы там ни придумали себе... – Она свирепо смотрит на Стеф. – По какой-то нелепой причине он считает, будто равнодушен ко мне. – С раздраженным видом она перекидывает свои медно-рыжие волосы через плечо. – Я пытаюсь прекратить это, ясно?

Сжалившись над ней, я быстро меняю тему.

– Расскажи мне о Купере и новенькой, – прошу я Хайди. Не так давно Хайди и Куп играли в игру «будем мы вместе или все же не будем». И в случае с ними, к сожалению, вся эта фишка с «друзьями с привилегиями» не сработала. – Кто она вообще такая?

– Маккензи, – отвечает она даже без намека на обиду, хотя в ее сообщениях мне проскальзывала легкая нотка недовольства, когда она писала о Купере и его новой богатенькой подружке. – Бросила Гарнет. По сути, ушла от родителей, позволив им отрезать ее от семейных финансов.

– Там целая история была, – соглашается Стеф. – О, а еще она купила старый отель на набережной. «Маяк». Она занималась его реставрацией, чтобы снова открыть.

Черт. А она *реально* при деньгах. Должно быть, это здорово. Если говорить обо мне, то я бы согласилась хотя бы на малейшую подсказку о том, что делать со своей жизнью. Заполнять электронные таблицы и гоняться за братьями со счетами – это не совсем мечта моей жизни. И как бы сильно я ни ценила все, что сделал для нас отец, семейный бизнес больше напоминает ловушку, нежели возможность. Это не я. Черта с два мне известно, кто я такая.

– На самом деле она довольно крутая, – признается Хайди, пусть и неохотно. – Сначала я не была ее фанаткой. Но им хорошо вместе, и Куп обычно в лучшем настроении с тех пор, как она рядом, а это уже кое-что.

Меня не обманешь. Как бы ни действовала на него эта девушка, гарантий верности не существует.

– Что за взгляд? – спрашивает Алана.

– Он вроде как пристал ко мне, когда я уходила с работы.

– Он – что? – Очевидная тревога Хайди заставляет ее выпрямиться.

Когда произносишь это вслух, звучит глупо. У Купера репутация хулигана, но из двух Хартли его проще укротить. Отчитывать меня на парковке все еще не в его характере, причем совсем. С другой стороны, когда дело касается брата, Куп всегда немного вспылчив. Эван оказывает такое влияние на людей.

– Ну, не знаю, – начинаю я. – Он, в общем-то, приказал мне держаться подальше от Эвана. Сказал, что больше не воспринимает меня как друга, потому что я обидела его брата.

– Жестко, – сочувственно произносит Стеф.

– Думаю, насчет этого он имел право злиться, – притворяюсь я невозмутимой и пожимаю плечами. – Но он также обвинил меня в том, что тогда на пляже Эван вышел из себя, а это не совсем справедливо. Эван – большой мальчик. Он сам отвечает за свои поступки.

Алана отводит взгляд, будто хочет что-то сказать. Я прищуриваю глаза.

– Что?

– Нет, ничего. – Она качает головой, однако я вижу: она о чем-то умалчивает. Когда мы втроем давим на нее тишиной, Алана сдается. – Просто... ну, то есть Эван выбил из того парня все дерьмо, лишь бы заставить тебя ревновать. Такое Купер точно увидел бы и не одобрил.

– Значит, ты принимаешь его сторону? Это все моя вина?

– Нет. Просто мне кажется, что Купер воспринял ту выходку Эвана и твое появление как дурное предзнаменование грядущих событий. Давайте будем честны, ему всегда ужасно удавалось держать Эвана в узде. Куп, вероятно, думает, что если он отпугнет тебя, то все станет проще.

– Это дерьмовый поступок, – говорит Стеф.

– Эй, я просто предполагаю. – Алана допивает свой напиток и ставит бокал на стол. – Еще по одной?

Все кивают, и они со Стефом отправляются на минутку в туалет, прежде чем сделать заказ на вторую порцию. Допив остатки своего напитка, Хайди настороженно смотрит на меня и немного заискивающе произносит:

– Итак, слушай. Это неловко, но, эм, ты знаешь, мы с Джем вроде как встречаемся.

Мои глаза расширяются.

– Джей – это мой брат Джей?

– Да.

– Эм. Нет. Я не знала.

– Ага. Ну, в общем, это началось недавно. Если честно, он выпрашивал у меня свидание с осени, но я не была уверена, хорошая ли это идея. И пару месяцев назад он меня все-таки уломал. Я хотела убедиться, что ты не против. Не желаю, чтобы между нами все стало неловко.

Неловко – это видеть, как Хайди краснеет. Едва ли хоть что-то способно проникнуть сквозь ее «не связывайтесь со мной» броню или заставить эту девчонку защищаться. Она бы запросто спугнула бычью акулу. Так что это довольно мило, что подруга спрашивает разрешения встречаться с моим старшим братом.

– Ты хочешь моего благословения, да? – поддразниваю я, втягивая воздух со дна стакана с почти растаявшим льдом, и оставляю ее мучиться в ожидании. – Да все в порядке. Этот городок такой маленький, что было лишь вопросом времени, когда одна из вас замутит с очередным Уэстом. Я просто удивлена, что это Джей.

Джей – самый нежный и добрый из моих братьев. Ну, во всяком случае, после Крейга, но Крейг не в счет, поскольку буквально только что окончил среднюю школу. Джем двадцать четыре, и в нем нет ни капли подлости и злобы. Он почти полная противоположность Хайди, которую отличают резкость и прямолинейность.

– Поверь мне, я тоже удивлена, – отрезает она, проводя рукой по своей короткой стрижке. – Клянусь, я никогда не встречалась ни с кем таким чертовски милым. То есть в чем вообще его проблема?

Я смеюсь.

– Точно.

– Как-то вечером мы направлялись в автокинотеатр, и он притормозил, чтобы помочь маленькой старушке перейти улицу. Кто, мать вашу, так делает?

– Пожалуйста, не говори мне, что ты трахнула моего брата в автокинотеатре.

– Ладно, не скажу.

– О боже. Я попала прямо в точку, да?

– Э-э, привет, Женевьева, – прерывает нас мужской голос.

Мы с Хайди оборачиваемся, когда к нашему столику подходит жизнерадостный нервный парень, одетый в рубашку поло и брюки цвета хаки. Он симпатичный, в стиле бойскаута, с каштановыми волосами и веснушками. Если бы не смутное ощущение, будто я его уже знаю, то решила бы, что это заблудившийся турист.

– Я Харрисон Гейтс, – представляется он. – Мы вместе учились в старшей школе.

– О, точно. – Имя едва всплывает в памяти, но теперь, когда я вижу его лицо, оно действительно кажется знакомым. – Как поживаешь? – спрашиваю я.

– Хорошо. – Хайди он тоже улыбается, но его взгляд остается сосредоточенным на мне. – Я не намеревался вас беспокоить. Просто подошел выразить соболезнования по поводу твоей мамы.

– Спасибо, – искренне говорю я. Какими бы ни были мои смешанные чувства по поводу ее смерти, самое приятное в возвращении домой в маленький городок – это то, что людям, как правило, не наплевать. Даже те, кто несколько лет назад скорее переехали бы меня своей машиной, подошли сказать парочку добрых слов. Просто так заведено. – Я ценю это.

– Ага. – Его улыбка становится шире и менее тревожной, по мере того как сам он немного расслабляется. – И, знаешь, я лишь хотел сказать: с возвращением.

Хайди бросает на меня взгляд, который, видимо, означает, что она уже готова меня спасти, но я не понимаю почему. Харрисон выглядит довольно мило.

– Так чем же ты сейчас занимаешься? – интересуюсь я, поскольку, по моему мнению, нужно проявить вежливость и поговорить с парнем хотя бы минутку.

– Ну, я только что поступил на службу в департамент шерифа Авалон-Бэй, если ты можешь в это поверить. Так странно произносить это вслух.

– Правда? Хм. Ты кажешься слишком милым для полицейского.

Он посмеивается.

– Вообще-то я часто это слышу.

Еще до прошлогоднего инцидента у меня было множество неудачных стычек с местной полицией. В детстве представлялось, что им нечем больше заняться, кроме как таскаться за нами по городу и изводить. Для них это было равносильно спорту. Школьные хулиганы, но с пистолетами и значками. А этот засранец Расти Рэндалл оказался самой большой задницей из всех.

– Поосторожнее с ней, новичок. От нее больше хлопот, чем она того стоит.

Словно услышав, как я мысленно проклинаяю его, к Харрисону неторопливо подходит помощник шерифа Рэндалл и хлопает того рукой по плечу.

Все мое тело мгновенно леденеет.

Хайди бросает ему что-то в ответ, чего я на самом деле не слышу из-за оглушительной ярости, стучащей в висках. Зубы впиваются во внутреннюю сторону щеки.

– Если ты не возражаешь, – обращается Рэндалл к Харрисону, – мне нужно недолго поболтать с ней.

Он прибавил в весе с тех пор, как я видела его в последний раз. Потерял гораздо больше волос. Раньше он прятал свое истинное «я» за дружелюбной улыбкой и помахиванием рукой, а теперь его лицо искажено постоянной гримасой негодования и злобы.

– Знаете, мы здесь немного заняты. – Хайди склоняет голову набок, словно напрашиваясь на ссору. – Но, если вы хотите назначить встречу, может быть, мы вам перезвоним.

– Это вашу припаркованную через дорогу машину я видел? – спрашивает он меня насмешливым тоном. – Наверное, мне следует проверить наличие неоплаченных штрафов? – Даже Харрисону, кажется, не по себе от угрозы Рэндалла. Он смотрит на меня в замешательстве. – Что скажешь, Женевьева?

– Все в порядке, – вмешиваюсь я, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля. У Хайди такой вид, будто она вот-вот перевернет стол. И бедняга Харрисон. Он и правда понятия не имеет, во что ввязывается. – Давайте поговорим, помощник шерифа Рэндалл.

В конце концов, что еще он может мне сделать?

Глава седьмая

Женевьева

У меня всегда было дурное предчувствие насчет Расти Рэндалла. Когда во времена старшей школы я сидела с его четырьмя детьми, он порой намекал на всякие гнусности, отвечивал бесцеремонные комментарии, от которых я чувствовала себя не в своей тарелке. Но никогда не отвечала, предпочитая деньги и полагая, что раз уж я видела его всего пару раз за день – когда он приходил и уходил, – то ничего страшного в этом не было. До той злополучной ночи в прошлом году.

Я с несколькими подругами отправилась в бар на окраине города. Мы знали, что это была тусовка копов, но после пары часов на другой вечеринке Алана вбила себе в голову, что это будет круто. Оглядываясь назад, можно признать, что это была не самая лучшая ее идея. К нашему столику подошел Рэндалл. Он купил нам выпить, и это было прекрасно. А потом он начал распускать руки. Что прекрасным вовсе не было.

В эту самую секунду снаружи бара «Джо» помощник шерифа Рэндалл прислоняется к припаркованной у обочины патрульной машине. Я не знаю, что такого в копах, которые кладут руки на пояс и пальцами постоянно поигрывают с оружием, – во мне это вызывает инстинктивную ярость. Мои ногти впиваются в кожу ладоней, пока я готовлюсь к тому, что последует дальше. Стараюсь держаться в свете уличного фонаря, где все еще видны люди, стоящие у входа в бар.

– Значит, слушай сюда, – Рэндалл глядит на меня свысока. – Тебе здесь не рады. Пока ты в городе, держись, мать твою, подальше от меня и моей семьи.

Только вот семья уже не его, насколько я слышала. Но сдерживаю язвительное замечание вместе с презрением, волной подкатывающим к горлу. Он не имеет права говорить со мной в таком отвратительном тоне, особенно после того, как *он* вел себя в прошлом году.

По общему признанию, в тот вечер мы с девочками были пьяны. Расти продолжал уговаривать меня пойти с ним к его машине и пошалить на парковке. Сначала я была вежлива. Отшучивалась и бегала по комнате, чтобы избежать с ним встречи. Цеплялась за девочек, ведь их было много, и это казалось безопасным. Пока он не прижал меня к музыкальному автомату и не попытался впиться своими губами в мои. Пока не засунул руку мне под рубашку. Я оттолкнула его и велела ему отвалить, достаточно громко, чтобы услышал весь бар. К счастью, он ушел с раздраженным и недовольным видом.

На этом все могло бы и закончиться. Я бы вернулась к своим друзьям и забыла обо этом. Конечно, это был не первый раз, когда ко мне с грубостями и непристойными предложениями приставал мужчина постарше. Но что-то в этой встрече задело меня до глубины души. Я взбесилась. Вскипела от злости. Гнев полностью завладел мною. Еще долго после его ухода я сидела там, обдумывая эту встречу и представляя все способы, которыми мне следовало ударить его ногой в пах или врезать ребром ладони по горлу. Я продолжала пить шоты. В конце концов Стеф с Аланой ушли, и остались только я и моя подруга Трина, которая, вероятно, единственная девчонка в нашем старом кругу друзей, которая превзошла меня по необузданности и страсти к неприятностям. Она бы не простила домогания Рэндалла и заявила, что я тоже не должна. То, что он натворил, неправильно, и я несу ответственность за то, чтобы это не сошло ему с рук.

Теперь, стоя передо мной, Рэндалл выпрямляется и надвигается на меня. Я возвращаюсь на тротуар, оглядываясь по сторонам в поисках лучшего пути для отступления. Честно говоря, я понятия не имею, на что способен этот человек, поэтому предполагаю худшее.

– Слушай, – говорю ему. – Я признаю, что поступила тогда безумно, заявившись вот так в твой дом. Но это не меняет факта, что ты лапал меня в баре после того, как я провела всю ночь, пытаясь сбежать от тебя. Насколько я понимаю, это тебе нужно напомнить, чтобы ты держался подальше. Не я ищу ссоры.

– Тебе лучше не высовываться, девочка, – предупреждает он, рыча на меня грубым сиплым голосом, полным бессильного гнева. Он выходит из-под контроля. – Никаких вечеринок. Если я поймаю тебя с наркотиками, ты окажешься на заднем сиденье этой машины. Почую, что создаешь неприятности, и ты отправишься в тюрьму. Я ясно выразился?

Он жаждет малейшего неповиновения, чтобы прижать меня. К сожалению для него, я давным-давно оставила ту Женевьеву в прошлом. Краем глаза я замечаю Хайди и девчонок, которые стоят у входа в бар и ждут меня.

– Мы закончили? – спрашиваю я, приподнимая подбородок. Я лучше шагну под грузовик, чем дам Рэндаллу понять, что его угрозы на меня подействовали. – Отлично.

Я ухожу. Когда подруги спрашивают, в чем дело, я просто говорю им, чтобы они смотрели в оба. Где бы мы ни были этим летом, чем бы ни занимались, он наверняка будет наблюдать за нами. Выжидать своего часа.

Я не собираюсь участвовать в его извращенных играх.

Позже, дома, я лежу в постели, все еще сгорая от гнева. Мышцы шеи напряжены. Все тело пульсирует, а в глаза точно насыпали песка. Я не могу лежать спокойно. И вот так почти в полночь я сижу на полу возле шкафа, окруженная коробками, ежегодниками и фотоальбомами. Решаю окунуться в воспоминания. Опрометчивый поступок, ведь самое первое фото в альбоме, с которого я начинаю, – наше с Эваном. Нам по восемнадцать, может, по девятнадцать, мы стоим на пляже на фоне заката. Эван обеими руками обнимает меня сзади, в одной руке держит бутылку пива. Я в красном бикини, прислоняю голову к его широкой груди, он без рубашки. Мы оба счастливо улыбаемся.

Я прикусываю губу, изо всех сил стараясь отогнать одолевающие меня воспоминания. Однако они все же заполняют мою голову. Я отлично помню тот день на пляже. Мы любовались закатом с друзьями, затем отправились погулять одни по теплomu песку к дому Эвана, где заперлись в его спальне и не выходили до следующего полудня.

Еще один снимок, теперь на какой-то вечеринке в доме Стеф, и на этот раз нам по шестнадцать лет. Я знаю, что мне шестнадцать, поскольку эти ужасные светлые пряди в моих волосах были подарком Хайди на день рождения. Я выгляжу нелепо. Но никто бы так не подумал из-за того, как Эван смотрит на меня. Не знаю, кто сделал фотографию, но им удалось запечатлеть в выражении его лица то, что я могу описать лишь одним словом, – обожание. Я выгляжу такой же безнадежно влюбленной.

Ловлю себя на том, что улыбаюсь нашим юным одурманенным прошлым версиям. Вскоре после той вечеринки он впервые признался, что любит меня. Мы зависали у меня на заднем дворе, плавая на спине в бассейне, и вели довольно серьезный разговор о том, как бы нам хотелось получить хоть немного материнской любви, когда Эван внезапно оборвал меня на полуслове и сказал: «*Эй, Женевьева! Я люблю тебя*».

И меня это так потрясло, особенно как он произносит мое полное имя вместо *Фред*, дурацкого прозвища, происхождения которого я даже не помню. Я тогда рухнула в бассейн, как подкошенная. И даже не осознала вторую часть этого признания, пока не вынырнула на поверхность. Глаза щипало, и я кашляла водой.

Эван встретил меня с возмущенным выражением лица.

– Seriously? Я говорю тебе, что люблю, а ты пытаешься утопиться? Что за черт?

Это заставило меня так сильно рассмеяться, что я даже немного обмочилась, а потом по глупости *призналась* в этом, после чего он подплыл к лестнице и вылез из бассейна. Затем раздраженно всплеснул руками и прорычал: *«Забудь, что я это сказал!»*

Смех щекочет мне горло. Я уже почти готова написать ему сообщение и спросить, помнит ли он тот день, когда вновь убеждаю себя держаться с ним отстраненно.

Рядом со мной жужжит телефон.

Один взгляд на него вызывает мучительный стон. Как он это делает? Откуда он всегда знает, что я думаю о нем?

Эван: *Мне жаль насчет той ночи.*

Эван: *Я был идиотом.*

Я сижу, уставившись на сообщения, пока не осознаю, что все напряжение, которое я испытывала из-за стычки с Рэндаллом, весь гнев и стыд испарились. Мои плечи обмякли, с груди будто огромный камень свалился. Даже головная боль утихла. Места себе не нахожу из-за того, что у Эвана до сих пор получается так прекрасно меня успокаивать.

Я: *Да, еще каким.*

Эван: *Кажется, у меня по-прежнему песок в глазу, если тебе от этого легче.*

Я: *Немного.*

Наступает долгая пауза, почти на целую минуту, прежде чем я вижу, что он снова печатает. Маленькие серые точки появляются, затем исчезают, а после появляются снова.

Эван: *Я скучал по тебе.*

Я уже чувствую притяжение, старые узы тянут меня обратно в то место, куда я поклялась больше не возвращаться. Поддаться было бы так легко. А дать самой себе обещание и на самом деле сдержать его на этот раз гораздо сложнее.

Это не его вина – Эван не делал меня такой. Но в кои-то веки я выбираю себя.

Я: *Я тоже скучала по тебе. Но это ничего не меняет. Я серьезно насчет того, что сказала.*

Я быстро отключаю телефон до того, как он успеет ответить.

Хотя это вызывает невыносимую боль в груди, я заставляю себя просмотреть остальные альбомы и множество других хранящихся отдельно фотографий. Все наши отношения разыгрываются в сценах, что запечатлены в этих идеальных моментах.

Ты вырвала моему брату сердце и свалила, даже не попрощавшись. Насколько хладнокровной стервой надо быть, чтобы так поступить? Ты хоть знаешь, что сделала с ним?

Слова Купера, его обвинения вертятся у меня в голове, от чего сердце болезненно сжимается. Он прав: я не попрощалась с Эваном. Но только потому, что не отважилась. Если бы я это сделала, уверена, ему бы удалось убедить меня остаться. Я никогда не могла отказать Эвану. Поэтому я ушла, не предупредив его. Не оглянувшись назад.

Уже перевалило за час ночи, когда я наконец убираю фотографии обратно в коробки и задвигаю их в дальнюю часть шкафа под одежду и старую обувь.

Только мертвецы тоскуют по прошлому. И впавшие в уныние люди. Может, мне и грустно, но я не мертва. И я намерена жить, пока еще могу.

Глава восьмая

Эван

Купер и Мак уже сидят на кухне с дядей Леви, когда я вхожу в дверь воскресным вечером. На столе разложены планы отеля Мак. Она склонилась над клавиатурой ноутбука и грызет ручку. Из всех только Дейзи и замечает меня, подбегает, чтобы забрать мне на ногу, пока я скидываю ботинки.

– Привет, красотка, – воркую я с радостной собачонкой.

– Ты опоздал, – упрекает меня Купер.

– Остановился, чтобы захватить ужин. – Я складываю пакеты с китайской едой на столешницу. Брат даже не отрывает головы от чертежей. – Что ты, даже не вставай, я сам все сделаю.

– Спасибо, – бросает Мак через плечо. – В жареном рисе нет яиц, верно?

– Нет, я все отлично запомнил. – Мать вашу, я будто у них вместо прислуги.

– Оставь, – говорит Леви, – и иди сюда. Нужно поговорить насчет следующей недели.

Леви – брат нашего отца. Он приютил нас после того, как отец, напившись в стельку, погиб в автокатастрофе, когда мы были маленькими. Леви растил нас, в то время как мама не могла о нас заботиться. Дядя – единственный любящий родственник, который остался у нас с Купером, и, хотя в детстве нам было трудно сблизиться с ним, ведь он эдакий грубоватый тихоня, для которого проводить время вместе – значит молча сидеть в одной комнате, в последнее время мы трое сблизились.

Он уже много лет занимается собственным строительным бизнесом. А после недавних ураганов, опустошивших Авалон-Бэй, на него свалилось больше работ по реконструкции и сносу зданий, чем он может справиться. Не так давно Леви сделал нас с Купером партнерами по бизнесу, поэтому у нас тоже появилось чертовски много дел.

Наше самое крупное и неотложное мероприятие – это «Маяк», старый отель на набережной, который Мак купила несколько месяцев назад. Отель был разрушен штормом и простоял заброшенным пару лет, пока Мак импульсивно не решила его отреставрировать. Ее семья отвратительно богата, но девчонка купила «Маяк» на свои собственные деньги – я только недавно узнал, что она заработала миллионы, запустив собственные приложения, где публикуется компрометирующая информация об отношениях.

– Мне позвонил Ронан Уэст, – начинает Леви. – Ему нужно немного отремонтировать дом для продажи. Так что придется кому-то из вас заняться этим делом, руководить рабочей командой.

– Пусть это сделает один из парней, – предлагает Купер, меняя позу при упоминании отца Джен. Потому что Куп как несносный ребенок. – Я не хочу, чтобы в отеле что-то пошло не так, если мы оставим там кого-то другого за главного.

Мы находимся на завершающей стадии реконструкции, открытие отеля Мак запланировано через несколько месяцев, в сентябре. Идея такова: она пригласит избранных гостей, чтобы те по достоинству оценили это место и создали ему репутацию спа-центра на зимнее время, а весной проведет торжественное открытие.

– Ронан – мой друг, – возражает Леви. – Я не могу послать к нему какого-нибудь болвана. Мне нужно знать, что с ним обходятся как положено.

– Я это сделаю, – говорю я.

– Ну естественно, – Купер раздраженно вздыхает. – Не думаю, что это хорошая идея.

– Тебя никто не спрашивал. – Проголодавшись, я отодвигаюсь от стола, чтобы взять одну из коробок ло-мейн⁶ и наброситься на нее.

– Мы хорошо управились с отелем. – Мак смотрит на мой ло-мейн, затем берет свою коробку с жареным рисом и запрыгивает на столешницу, чтобы поесть. – Проблем возникнуть не должно.

Купер бросает на нее красноречивый взгляд, но она просто пожимает плечами. Думаю, лучшая часть того, что Мак теперь с нами, это то, что ей нравится изводить моего брата. То есть обычно она принимает мою сторону в споре, и его это бесит.

– Ты обожаешь наказания. – Купер качает головой, глядя на меня.

Может, и так, но он не понимает Джен, как я. Безусловно, у нас бывали свои неприятные моменты, ссоры, безрассудные ночи. Но были и хорошие времена. Вместе мы нечто цельное. Идеальная энергия. Сейчас она считает, что в том, чтобы держать дистанцию, есть какое-то праведное искупление, но это только потому, что она позволила себе забыть, каково это, когда мы вместе.

Мне просто следует напомнить ей. Но чтобы это сделать, я должен находиться с ней рядом.

– Эй, – привлекает мое внимание Леви. – Уверен, что сможешь вести себя профессионально? Не желаю, чтобы ты валял дурака на работе. Может, мы сейчас и «Хартли и сыновья», но на визитке все еще мое имя.

– Не переживай, – обещаю я с набитым лапшой ртом, – все будет в лучшем виде.

Купер вздыхает.

В понедельник днем мы с Леви подъезжаем к дому Уэстов. Этим утром Ронан оставил ключ у нас, чтобы мы могли войти и осмотреться. Цель сегодняшнего визита – пройтись по дому и составить список задач по всему, что нуждается в замене, починке или покраске. Ронан предоставил Леви подсчитать общую стоимость работ и высказать свое мнение о том, что потребуется для получения достойного предложения, когда дом выставят на продажу. С учетом двадцати с лишним лет и шестерых детей это ветхое двухэтажное здание определенно знавало лучшие времена.

Немного странно возвращаться сюда при таких обстоятельствах. Еще более странно входить через парадную дверь после всех тех случаев, когда нас с Джен ловили на том, как мы пробирались внутрь или наружу через ее окно. А обо всех вечеринках у бассейна, которые мы устраивали, когда родителей Джен не было дома, не стоит и упоминать.

Сначала мы с дядей осматриваем интерьер, делая пометки у себя в планшетах, указывая на различные проблемы, которые бросаются в глаза. Затем переходим к внешнему виду, рассматриваем сайдинг, нуждающийся в замене, и решаем, что шаткий деревянный забор вокруг заднего двора, вероятно, требует обновления материала. Пластик выглядит лучше, и за ним легче ухаживать. Сделав еще несколько записей, мы проходим через ворота, чтобы осмотреть бассейн, и – боже милостивый!

Я резко останавливаюсь при виде Джен, загорающей на одном из шезлонгов.

Топлес⁷.

Убейте меня.

– Я думал, они перестали снимать подобное порно еще в девяностых, – протягиваю я, получая в ответ от Леви раздраженное ворчание.

Совершенно не беспокоясь, Джен переворачивается на бок, напоминая модель купальников со своими длинными ногами и сияющей под солнцем кожей. Эти поразительные упру-

⁶ Китайское блюдо с яичной лапшой. Оно часто содержит овощи и некоторые виды мяса или морепродуктов, обычно говядину, курицу, свинину или креветки.

⁷ То есть без одежды на верхней части тела.

гие сиськи направлены прямо на меня. Не то чтобы я забыл, как они выглядят, но вид Джен в крошечных бикини и солнцезащитных очках заставляет меня вспомнить старые времена.

– Ты стучаться разучился? – дразнит Джен, а после тянется за стаканом воды.

– А я умел? – Мой взгляд то и дело возвращается к ее идеальной фигуре. Мне требуется вся сила воли, дабы вспомнить, что рядом со мной стоит дядя.

– Твой, э-э, отец попросил нас дать ему смету на ремонт, – отвечает Леви, неловко уставившись в землю. – Он не говорил, что здесь кто-то будет.

Я сдерживаю смех.

– Брось, Джен, заканчивай с этим. Не то устроишь бедняге insult.

– О, Леви мои прелести не интересуют. – Она садится и тянется за своим верхом от бикини. – Как дела у Тима? – интересуется она у Леви.

Он бурчит: «Все хорошо», по-прежнему старательно отводя глаза. Леви предпочитает держать свою личную жизнь в секрете. Они нечасто вместе выходят из дома. Оба любят тишину, и, полагаю, их устраивает подобное положение дел.

– Почему ты дома? – спрашиваю я Джен. Я слышал, будто отец устроил ее работать к себе в офис.

– Мы открыты по воскресеньям, – объясняет она, прикрывая грудь предплечьем и распутывая завязки топа. – Поэтому по понедельникам у нас выходной. Вам, ребята, от меня что-нибудь нужно?

Леви обретает дар речи, покорно заглядывая в свой планшет.

– Не знаешь, нужно ли Ронану озеленение на заднем дворе?

Джен пожимает плечами.

– Понятия не имею.

Испытав облегчение, он пользуется предлогом, чтобы зайти внутрь и позвонить Ронану, оставляя меня наедине с Джен.

После секундного колебания она ерзает на стуле.

– Поможешь завязать? – Прижимая топ к груди, она поворачивается ко мне спиной.

– Или... можем оставить все как есть.

– Эван.

– Какая ты скучная. – Я сажусь на край шезлонга и тянусь к завязкам ее бикини. У меня бывала работа и похуже.

– И часто ты проделываешь подобное? Ловишь пум⁸ и богатых студенток на разных стадиях раздевания? – сухо произносит она.

– Именно так и начинается каждый из таких проектов, – торжественно объявляю я, завязывая тонкие ниточки ее топа. – Однако стояк перед родственником у меня впервые, так что это новый уровень семейной травмы.

– Ты мог бы предупредить меня, – обвиняет она, поворачиваясь ко мне лицом, как только приходит в себя. – Ворваться без предупреждения было подло с твоей стороны.

– Я не знал, что ты будешь здесь, – напоминаю я ей. – Планировал стащить парочку трусиков и свалить.

Джен вздыхает.

– Знаешь, весь этот план с топлес...

– План? Я не знала, что ты придешь, – протестует она.

Я игнорирую ее реплику.

⁸ Пума (*англ. Cougar*) – сленговое название женщины, которая ищет романтических или сексуальных отношений со значительно более молодым мужчиной.

– ... Напоминает мне ту экскурсию в выпускном классе, – заканчиваю я, даже не притворяясь, что не наблюдаю за маленькими капельками, спадающими с ее стакана с водой и стекающими по груди.

– Какую экскурсию?

– Не прикидывайся. Ты точно знаешь, о чем я говорю. – Эта поездка была совершенно незабываемой.

Ее губы слегка изгибаются, но потом сжимаются в тонкую линию.

– Как насчет того, чтобы не соваться туда? – говорит она с очередным вздохом.

– Куда? – спрашиваю я, невинно моргая. – В аквариум?

– Эван.

– В тот день шел дождь. Ты разозлилась на меня, сказала, что я флиртовал с Джессикой на уроке математики, поэтому на следующий день пришла на экскурсию в белой майке без лифчика и набросилась на Энди, как его там. Выходим мы, значит, из автобуса, идет дождь, и тут все начинают глазеть на твоих близняшек.

Наступает долгая пауза, во время которой я вижу, как ее решимость рушится.

– Ты украл для меня футболку из сувенирной лавки, – неохотно произносит она.

Я прячу довольную улыбку. Это так легко – уболтать ее присоединиться ко мне, чтобы окунуться в наши общие воспоминания.

– Потому что мне пришлось бы сломать Энди Придурку нос за то, что он пялился бы на твои сиськи всю поездку.

Джен снова делает паузу, а затем:

– Может, я решила, что это сексуально – видеть, как ты ревнуешь.

Моя улыбка вырывается на свободу.

– Кстати, о ревности...

Выражение ее лица становится мрачным.

– Что?

– Я видел жажду убийства в твоих глазах той ночью у костра. – Когда она не клюет на наживку, я подбрасываю другую приманку. – Ну, знаешь, когда я разговаривал с той цыпочкой из колледжа.

– Разговаривал? – сурово повторяет Джен. Знакомый намек на убийственный настрой мелькает в ее взгляде, а затем она с раздражением поджимает губы.

Я знаю Женевьеву, и прямо сейчас она корит себя за проявленную слабость. Поэтому, как и ожидалось, она отстраняется.

– Ты имеешь в виду цыпочку, чей парень тебя побил? – расплывается в слащавой улыбке Джен. – Ту, которая только притворялась, словно хочет быть с тобой, чтобы заставить своего парня ревновать?

– Во-первых, тебе не разрешается так ликовать при мысли о том, что кто-то меня избивает. Во-вторых, меня не побили – приятелям того чувака пришлось уносить его, на случай, если ты не заметила. И в-третьих, если бы я хотел быть с ней, то уже был бы.

– Угу. Потому что с того места, где стояла я, это выглядело так, будто ты пытался подкатить, а она ушла со своим парнем.

– Пытался? Вовсе нет. – Я с вызовом наклоняю голову. – Женевьева. Детка. Мы оба знаем, что убедить женщин раздеться для меня не составляет никакого труда.

– Ах, он еще и скромняга.

Я подмигиваю ей.

– Скромность – для парней, которые не трахаются.

Мне приятно видеть, как Джен сглатывает. Боже. Я мечтаю трахнуть ее. Это было так давно. Слишком давно. Не имеет значения, со сколькими девушками я переспал в ее отсутствие. Никто с ней не сравнится. Никто не заводит меня так сильно и не сводит с ума.

– Ну, раз уж соблазнение дается тебе так легко, почему бы не поискать ту, кто захочет быть соблазненной? – Стервозно сдвинув брови, Джен берет свою воду и делает еще один глоток.

Я фыркаю.

– Перестань притворяться, будто ты не хочешь сорвать с меня одежду и трахнуть прямо в этом бассейне.

– Не хочу. – Она говорит уверенным тоном, но я не упускаю вспышку желания в ее глазах.

– Нет? – протягиваю я, облизывая внезапно пересохшие губы.

– Нет, – повторяет она, однако ее уверенность улетучивается.

– Правда? Ни капельки не испытываешь искушения?

У Джен перехватывает горло, когда она снова делает глоток. Я замечаю, как слегка дрожит ее рука, пока она ставит стакан на столик.

Глубоко дыша, я наклоняюсь ближе. Во влажном воздухе витает солоновато-сладкий аромат масла для загара. Я хочу сорвать с нее топ зубами и намотать ее волосы на кулак. Она пытается вести себя так, словно выше всего этого, но я вижу, как бьется пульс у нее на шее, и знаю: она испытывает то же ненасытное влечение.

– Встретимся позже, – говорю я без раздумий, но потом ухватываюсь за эту идею. – На нашем месте. Сегодня вечером.

Скрывшись за своими серебристыми светоотражающими солнцезащитными очками, Джен кажется бесстрастной, но, когда прикусывает губу и не решается ответить, я понимаю – она обдумывает эту идею. Хочет согласиться. Это было бы так просто. Ведь нам никогда не приходилось *пытаться* быть вместе, это выходило совершенно естественно. Мы всегда плывем в одинаковом направлении.

Джен все-таки отстраняется. Она встает и оборачивает полотенце вокруг талии. Глухая стена поднимается между нами, и я оказываюсь запертым с другой стороны.

– Извини, – бросает она, пренебрежительно пожимая плечами. – Я не могу. У меня свидание.

Глава девятая

Женевьева

Через три часа после встречи с Эваном я все еще ругаю себя. В момент торжествующей глупости рот перестал меня слушаться, и теперь я должна материализовать свидание из воздуха. Как только ложь слетела с моих безрассудных уст, Эван, естественно, разозлился, хотя и делал все возможное, чтобы вести себя так, точно в этом нет ничего особенного. Иногда он забывает, что я слишком хорошо его знаю. Все его заморочки. И так, притворяясь, что внутри он не кипит от злости, Эван расспросил меня о том, где и когда пройдет свидание, поэтому одна ложь последовала за другой, а потом еще и третья. Мне удалось уклониться от ответа на вопрос, кто мой избранник: я настаивала на том, что Эван не знает этого парня, однако не решилась бы утверждать, что он не устроит проверку. В этом и состояла загвоздка.

К восьми часам вечера мне нужно найти мужчину, который куда-нибудь меня пригласит.

Поскольку я не собираюсь регистрироваться в Tinder'e ради фальшивого свидания, чтобы обмануть бывшего, я отправляю SOS в наш групповой чат, а затем бегу к Стефу и Алане устроить по этому поводу совместный мозговой штурм. Хайди на работе, что, вероятно, хорошо, ведь ее советы в чате были совершенно бесполезны. *«В какие игры играешь, то и получаешь»*, – написала она в своей типичной бессмысленной манере.

Ох. То есть... она права, черт возьми.

– И так, ты эмоционально мастурбировала, чтобы подразнить Эвана своими сиськами, а затем отшила его, – говорит Алана в ответ на мое объяснение событий. Мы сидим на крыльце на заднем дворе их дома, и я пытаюсь представить, что в моем сладком чае есть водка. – Знаешь, – и я не принимаю его сторону, – я бы назвала это смешанными сигналами.

– Кажется, я неправильно рассказала. Это он пришел ко мне.

Стеф смотрит на меня с удивлением.

– Да. Но тебе вроде как понравилось.

– Ничего страшного, если это так, – успокаивает меня Алана, развалившись на качелях на веранде и раскачиваясь взад-вперед. – У каждого свои причуды.

– Это не причуда.

Хотя теперь, когда подруга назвала это так, полагаю, она не так уж далека от истины. Между нами с Эваном всегда существовало это напряжение. Мы то отталкивали, то притягивали друг друга. Заставляли ревновать и манипулировали. Все это часть вредных привычек, от которых я пытаюсь избавиться. И тем не менее, делая это, я повторяю те же шаги. Новая мелодия – тот же старый танец.

– Это магия члена плохого парня, – произносит Алана со своей ровной интонацией, лишенной юмора. – Она сводит нас с ума. Это не наша вина, что испорченные парни лучшие в постели.

Ну, в ее словах есть смысл. И когда дело доходит до Эвана Хартли, меня приводят в замешательство самые случайные вещи. Мелочи, которые пробуждают воспоминания и вызывают произвольные реакции. Мое тело было настроено на определенные раздражители. Это инстинкт. Вторая натура. Он облизывает губы, и я начинаю представлять его лицо у себя между ног. Сегодня все дело оказалось в том, как пахли его волосы.

И уж точно не помогало то, как он у бассейна насмеялся надо мной по поводу секса, а потом попросил встретиться с ним позже в нашем месте.

Я придумала предлог для свидания только потому, что уже почти готова была принять его приглашение. Ведь что плохого в небольшом сексе по обоюдному согласию между друзьями, верно? Никакого вреда... пока этот небольшой секс не приведет к большому сексу, и тогда мы станем проводить вместе каждую свободную минуту, устраивая неприятности и затеявая драки, поскольку каждое необузданное приключение и очередная ссора выжмет из нас еще чуточку адреналина.

– Я ничего не могу с собой поделаться рядом с ним. Он как зависимость. Я стараюсь вести себя равнодушно, но потом он улыбается, флиртует и вынуждает меня флиртовать в ответ, – признаюсь я. – Но если я не избавлюсь от этой привычки, то никогда не начну жизнь с чистого листа.

– Значит, мы разорвем этот порочный круг, – решает Алана. – Просто нужно найти кого-то, кто выглядит полной противоположностью Эвана. Вызвать замыкание в системе, так сказать.

– Ну, это исключает практически всех, кого мы знаем.

Мысленно вычеркнув имена парней, которые являются либо его друзьями, либо теми, кого я терпеть не могу, прихожу к выводу, что в этом городе почти не остается людей, которые не были бы моими родственниками. Бродить по студенческим барам в поисках случайного придурка из Гарнета тоже не похоже на мое представление о хорошем отдыхе.

– А что насчет того парня с прошлой ночи? – спрашивает Стеф. – Того, кто подошел к тебе и Хайди.

– Кого? Харрисона?

Она ведь несерьезно.

– Нет, это же идеально. – Алана садится. Ее лицо светлеет, когда она все больше проникается этой идеей. Девчонка просто королева интриг. – Это правда подходящий вариант.

Стеф кивает.

– Судя по тому, что нам рассказала Хайди, этот парень определенно в тебя влюблен.

– Но он... – У меня даже на языке неприятный привкус. – Полицейский. И носит брюки цвета хаки. Туристы носят брюки цвета хаки.

– Вот именно, – Алана понимает, что все кусочки складываются воедино, а потом устремляет на меня решительный взгляд. – Анти-Эван. Он само совершенство.

– Всего лишь одно свидание, – напоминает Стеф. – Оно избавит тебя от Эвана, к тому же есть способы провести ночь и похуже, чем получить бесплатный ужин от парня, у которого нет никаких шансов затащить тебя в постель.

Это правда. И она права. Харрисон был очень мил. Что касается свиданий, то конкретно это связано с минимальными ожиданиями и таким же риском. Худшим, я думаю, станет то, что нам не о чем будет говорить, и мы сразу поймем: у нас нет абсолютно ничего общего. Но мы просто неловко расстанемся в конце вечера, и нам больше никогда не придется видеть друг друга. Вот так просто. И если появится Эван, он бросит один взгляд на Харрисона, решит пожалеть меня и уйдет, от души посмеиваясь. Я могу с этим справиться, если подобный шаг удержит Эвана на расстоянии.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Операция «Бойскаут» началась.

Поскольку я не знаю никого, у кого бы имелся номер копа в телефоне, и нет ровно никаких шансов, что я позвоню в полицейский участок поболтать, мне требуется немного творческих усилий и кое-каких фокусов в социальных сетях, чтобы проникнуть в личные сообщения Харрисона. Его лента в Instagram⁹ очаровательна, если не сказать – трогательно пресная. Но я

⁹ Здесь и далее: деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

убеждаю себя, что это делает Харрисона совершенно безобидным поклонником и что я встаю на путь исправления. Больше никаких плохих парней.

Я: Было здорово увидеть тебя.

Я: Прости, что нас прервали. Поужинаем сегодня?

Довольно наглое заявление, но я девушка целеустремленная. И у меня срочное дело. К счастью, Харрисон отвечает через пару минут.

Харрисон: Вот так сюрприз. Да, было бы круто.

Харрисон: Забрать тебя в семь часов?

Я: Давай. Но патрульную машину оставь дома.

Харрисон: Принято. Увидимся.

Ну вот. Было не так уж сложно.

За последний год своего преображения я поняла одну истину: перемены – это выбор, который мы делаем каждый день, тысячу раз на дню. Сначала мы решаем сделать лучше что-то одно. Затем другое. Потом следующее. И что-то еще. Поэтому, возможно, за то, что я пригласила хорошего парня на фальшивое свидание, чтобы обвести своего бывшего вокруг пальца, меня вряд ли причислят к лику святых, но... в общем, как говорится, идем к цели маленькими шажками. Дело в том, что прежде меня бы ни за что не застали в одной комнате с Харрисоном. Но кто знает, может, мы выйдем из этой ситуации друзьями.

Глава десятая

Эван

Женевьева делает это дерьмо нарочно. Ей нравится знать, что у нее по-прежнему есть власть морочить мне голову, соблазнять меня только для того, чтобы в последний момент слиться. Что меня больше беспокоит, так это какой-то таинственный парень. Гребаный парень, который подумал, что нацелиться на Джен прямо у меня под носом – это хорошая идея. Попрощайся с жизнью, придурок.

Излишне говорить, что я на взводе, когда возвращаюсь домой после работы. Но не успеваю сделать и трех шагов за дверь, как Купер тут же набрасывается на меня.

– Эй, – доносится его голос из гостиной, где они с Мак сидят на диване и смотрят телевизор, – ты связывался со Стивом по поводу фитингов для труб?

– Что? – Я снимаю ботинки и слишком резко кидаю ключи на приставной столик. – Нет, мы с Леви были дома у Джен.

– После чего тебе следовало заехать в офис и позвонить Стиву по поводу заказа для отеля. Эти детали нам завтра понадобятся для замены сантехники на втором этаже.

– Так сам и позвони.

Я прохожу на кухню и беру пиво из холодильника. Дейзи, более возбужденная, чем обычно, подбегает ко мне и виляет хвостом.

– Кажется, она хочет на прогулку, – замечает Мак. – Не против пройтись с ней?

– Ты прилипла к дивану или что-то вроде того?

– Эй! – Купер сразу вскакивает, очевидно, все еще способный передвигать ногами. – Что за тон?

– Я только что вошел в эту чертову дверь, а вы двое не можете подождать и десяти секунд перед тем, как вцепиться мне в глотку. – Я выбрасываю пробку от бутылки в мусорное ведро и щелкаю пальцами, указывая на Дейзи, от чего та скулит и возвращается к Мак. – А чем вы оба занимались сегодня? Вместо нытья и жалоб оторвали бы свои задницы и сами это сделали.

Не проявляя ровным счетом никакого интереса к нашему разговору, я направляюсь в гараж.

Что меня приводит в бешенство, так это то, что Джен не ходит на свидания. Мысль, будто она надевает красивое платье и наносит макияж, чтобы привлекательно выглядеть за ужином, просто смехотворна. Она скорее отгрызет себе руку, чем станет вести светскую беседу за закусками. Так что же это – какая-то изошренная попытка убедить меня, что она изменилась? Чушь. Джен из тех девушек, которые угоняют мотоцикл возле байкерского бара лишь для того, чтобы покататься. Она ни при каких обстоятельствах не позволяет парню отодвигать ей стул.

Может, сейчас позволяет.

Назойливый внутренний голос так и норовит пошатнуть мою убежденность. Что, если красивые платья и застольные беседы теперь ее конек? Неужели это так невероятно? Но вдруг девушка, которую я знал в прошлом году, уже не та, что...

Я тут же прогоняю эту мысль. Нет. Просто нет. Я знаю Женевьеву Уэст как свои пять пальцев. Знаю, что ее возбуждает. Помню, что заставляет ее улыбаться и вызывает слезы на глазах. Я могу распознать любое ее настроение и проникнуть в самые глубокие, мать вашу, уголки ее души. Может быть, она и одурачила себя, но не меня.

Повернувшись, я снимаю рубашку, отбрасываю ее в сторону и начинаю бить по тяжелой груше, свисающей с потолка в углу гаража. Пыль взлетает с поверхности при каждом ударе

моих кулаков. Огромные вздымающиеся столбы мелкого серого порошка. Первые несколько попаданий парализуют мои нервы, выбивают шум из головы. Острая, стреляющая боль отдаётся в руках, затем в предплечьях, локтях и выше, пока не притупляется, и я почти перестаю ее чувствовать. Но я все еще чувствую *ее*. Везде. Все время. Она занимает все мои мысли.

Джен *бросила* меня. Парня, который всю ночь проспал в кресле у ее больничной койки в тот раз, когда она получила сотрясение мозга, упав с дерева во время забега по скалолазанию с двумя своими братьями. Меня, в чьих объятиях она рыдала каждый раз, когда мать пропускала важное событие в ее жизни.

Она просто уехала, ничего мне не сказав.

Нет. Даже хуже – не попросила меня поехать с ней.

– У тебя на руках не останется ни одного живого места, если не обмотаешь кулаки бинтами. – Купер подкрадывается ко мне и встает за грушей, чтобы удерживать ее, в то время как я в основном игнорирую его, пытаюсь сосредоточиться на своей цели. На груше уже появились небольшие капельки моей крови. Да плевать.

Когда я не отвечаю, он продолжает:

– Ну же, что происходит? Что-то случилось?

– Если ты собираешься болтать, то можешь валить. – Я бью кулаком по мешку. Проматываюсь. Сжимаю кулаки все сильнее. С каждым новым взмахом отвлекаться все труднее, и по мере того, как тело перестает реагировать на болезненные ощущения, эффект от изнуряющих ударов тоже проходит.

– Так дело в Джен. – Рядом раздается вздох неодобрения и разочарования, словно я пришел домой с двойкой в таблице успеваемости. Это так утомительно – иметь брата, который возомнил себя моим отцом. – Когда ты уже забудешь об этом? Она отшила тебя, братец. Что еще можно сказать?

– Помнишь, как ты благодарил меня за помощь с Мак в прошлом году? – задаю ему вопрос. Я усвоил урок. Тогда я был свидетелем его перехода на темную сторону, когда Куп начал влюбляться в богатую цыпочку и он не раз просил меня не вмешиваться. Что ж, брат был прав. – Ну, сейчас то же самое.

– Просто пытаюсь присмотреть за тобой, – объясняет он, будто я упускаю смысл. А потом, видя, как я начинаю терять терпение, Купер меняет тему: – Ладно, давай выберемся ненадолго. Прогуляемся. Проветришь мозги, так сказать.

– Я пас.

Одно я выяснил задолго до этих событий: нет ничего, что могло бы вытеснить мысли о Жене веве из моей головы. Она забралась мне в душу, поселилась в моем сердце, и я не в силах вырвать ее оттуда, не разорвав себя на куски.

На секунду между ударами по груше я ловлю взгляд Купера. В его глазах мелькают отчаяние и беспомощность. Но я не могу заставить брата почувствовать себя лучше и не возьму на себя ответственность за попытки.

– Иди, Куп.

Стиснув зубы, он выходит из гаража.

Вскоре после этого я перестаю колотить грушу. Костяшки моих пальцев в крови, кусочки плоти свисают с костей. Просто омерзительно.

Когда у меня в кармане жужжит телефон, я на мгновение впадаю в нетерпеливое предвкушение, ожидая, что это Джен, а затем чертыхаюсь про себя, когда вижу имя моей матери.

Шелли: Привет, малыш. Просто проверяю, как ты.

Ага, моя собственная мать у меня в контактах значится не как «мама», а как «Шелли». Это о многом говорит.

Она писала мне в попытке возродить наши отношения после того, как пару месяцев назад Купер ненадолго сдал ее под арест за кражу у него нескольких тысяч. Ему уже давно надоели ее выходки, но для брата это стало последним оскорблением. Последним предательством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.